

Анна Гюблева

ВАРЕНЬЕ С КОСТОЧКОЙ

16+

Анна Яковлевна Яковлева

Варенье с косточкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55699786

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-05970-2

Аннотация

Бывшая гражданская жена продюсера рекламного агентства Андрея Гожа тайком уходит к другому и незаконным образом продает их общую квартиру. Как истинный мужчина, Андрей уходит в запой и делит горе со случайным знакомым Виктором Городецким. События нарушают общественный порядок и попадают в наркологическое отделение больницы. Приходит в себя Андрей в чужом сарае, на одной подстилке с козой. Оказывается, двум чокнутым дачницам понадобилась помощь по хозяйству, и, пользуясь служебным положением, одна из них берет пациента наркологии на прокат. Теперь под дулом ружья Андрея принуждают собирать поспевшую вишню. Все бы ничего, но дачницы упорно называют Андрея Виктором!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	55
Глава 12	61
Глава 13	65
Глава 14	70
Глава 15	90
Глава 16	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Анна Яковлева

Варенье с косточкой

Все события, происходящие в романе, вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми – случайно.

Глава 1

...Трубы в доме гудели, вода шипела и плескалась, и, стоя под душем, Андрей ничего не слышал.

Завернул кран – истеричное треньканье звонка толкнуло в грудь: с Маринкой что-то...

Бормоча проклятья, Андрей обмотал себя ниже спины полотенцем и выскочил в коридор, оставляя мокрые следы на кафельном полу.

В ступню вонзился мелкий острый камешек, пальцы непроизвольно поджались.

– Кто? – спросил, наклоняясь к белому квадрату домофона.

– Гож Андрей Владимирович? – послышался мягкий женский голос.

– Минуту.

Метнувшись в ванную, Андрей натянул на мокрое тело шорты. Недоумевая и злясь, вернулся в коридор, дернул шнурок на бра в виде полумесяца и нажал кнопку на домофоне.

В микрофоне хрюкнуло, послышался щелчок замка.

Стянув с вешалки, накинул на плечи пиджак – по квартире гулял сквозняк.

Мелкое и острое прилипло к ступне, Андрей потер ногу о ногу, да так и остался стоять в позе цапли.

В открывшуюся дверь ввалилось шестеро: два отпрыска-тинэйджера, крепкая бабка в палантине и ее дочка, помолодевшая бабкина копия. Наличествовал и вожак стаи, лысоватый мужичок, по виду – руководитель среднего звена. С порога он проявил нездоровый интерес к обоям.

Пару секунд Андрею хватило, чтобы выделить вдохновителя этого парада-алле – девицу с пластиковой папкой под мышкой, в темно-синей стеганой куртке и синих джинсах, обтягивающих далеко расставленные длинные ноги.

– Здравствуйте, – девица излучала благожелательность, – Андрей Владимирович!

– Здравсьте. – Андрея вдруг охватила нервная дрожь.

Девица вскинула подбородок:

– Вы не возражаете? Мы осмотрим квартиру?

Что-то происходило, но Андрей не понимал, что именно.

– Зачем?

Девица понизила голос:

– Это покупатели.

Полный бред. Фарс. Трагикомедия. Андрею показалось, что он ослышался:

– Покупатели чего?

– Квартиры, – с некоторой долей снисходительности к тупости собеседника отозвалась девица. В ее взгляде прослеживалось нетерпение.

Вожак со стаей напиралаи сзади, и девица с вежливой улыбкой посторонилась:

– Проходите, Владимир Германович.

– Замок нужно сразу будет поменять, – заявила бабуля, косясь на полуголого хозяина.

И пятеро захватчиков рассеялись по квартире, оставив обалдевшего Андрея и девуцу в прихожей. Нахалка поправила перед зеркалом прическу и повернулась к Андрею спиной.

– Постойте-ка, – начиная кое о чем смутно догадываться, остановил ее Андрей. – Может, объясните, что происходит? Вы кто вообще?

– Вообще я риэлтор.

– И что вам здесь нужно?

– Я продаю эту квартиру.

– Бред какой! Вы ничего не путаете? Квартира не продается. А! Я понял! Это розыгрыш? Вы с телевидения? Это ваш Фома меня разыграть решил?

– Я вам потом все объясню, – уронила девушка, выскальзывая из прихожей.

Андрея затягивало в какой-то фантастический сюжет. Он едва удержался, чтобы не ущипнуть себя, и ринулся следом за девуцей.

Группа переходила из комнаты в комнату, бабка придиралась к мелочам:

– Окно на какую сторону? На север или запад?

– На юго-восток, – обиделся Андрей. Он успел надеть джинсы и окончательно укрепиться в желании выставить на-

летчиков за дверь.

Не пришлось.

Забраковав дверную ручку в туалете, семейство вымелось, наконец, за порог.

Девушка намылилась следом, но Андрей не позволил ей исчезнуть:

– Куда это вы? – с ехидной ухмылкой он ухватил самозванку за рукав куртки. – Я жду объяснений.

Дернув локтем, девушка обрушила на бедную голову Андрея шокирующую информацию:

– Я продаю квартиру по поручению Клары Николаевны. У нее генеральная доверенность от владелицы, Марины Николаевны Лиховец. Вот, – риэлторша извлекла из папки и всучила Андрею копию договора. – Я думала, вы в курсе.

Риэлторша еще что-то лопотала, но Андрей выключился. Уши будто заложили ватой, мысли разбежались.

Домофон в прихожей что-то пропищал, – за налетчиками захлопнулась дверь в подъезде – и Андрей снова попробовал мыслить здраво.

Марина Николаевна Лиховец – это его гражданская жена. С начала мая до конца октября – на весь пляжный сезон – Маринка подрядилась дайвером в греческую фирму «Посейдон-тур»...

Мозг не подавал признаков жизни, отказывался воспринимать действительность.

Двигаясь как сомнамбула, Андрей сунул договор под те-

лефонный аппарат на комод и побрел на кухню.

В памяти всплыли подробности месячной давности: они тогда привычно переругивались, пока Маринка собирала вещи...

...Все было как всегда. Ну, разве чуть хуже, чем всегда.

Он рассматривал коротко стриженный затылок жены и не испытывал никакого трепета. Внутри ничто не отзывалось. Совсем...

А было время... Эх, какое это было время!

Их так завертело, что Маринка ушла от мужа к нему – вот какое было время. Правда, общественности это подавали иначе: он, якобы, отбил Маринку у мужа. Эта версия Маринку устраивала больше. Впрочем, его тоже. Хотя он не собирался отбивать жену у продюсера телерадиовещательной компании – во-первых, разные весовые категории у них были, в прямом и переносном смысле. Во-вторых, вышло себе дороже: его реклама попала в черный список. Пришлось менять вывеску, переоформлять фирму на Валерку. В-третьих, чаще всего Андрей не знал, что и когда нужно делать. Рядом с ним обычно оказывались люди, которые точно это знали. Таким человеком был его друг Валерка, таким человеком была Маринка. Хорошо это или плохо, Андрей не вникал. Просто так складывалось в его жизни.

Но тогда ему было плевать на такие мелочи – все потонуло в вихре страсти.

Тогда губы сами льнули ко всем впадинкам на теле Маринки, от затылка до пят...

Куда все подевалось? Любовь иссякла. «Все, что было, вдруг уплыло...» Взаимные придирки, претензии, обиды выпарили любовь, как огонь – воду из колбы. При высоких температурах такое случается.

В их семье температура всегда зашкаливала.

– Елки-палки, что смотришь, помоги. – Марина билась над застежкой последней сумки. – У меня через час регистрация, между прочим.

Вещи завалили прихожую и подступы к комнатам.

Андрей с сомнением оглядел кучу:

– Это не вместится в машину.

– Не вместится, и черт с ним.

«Все-то она рассчитала», – с тоской думал Андрей, вытаскивая последнюю партию сумок из подъезда.

Даже не дала дочери доучиться – отвезла Асю до осени к бабушке с дедушкой, добропорядочным деревенским старикам.

Андрей от всей души сочувствовал девочке. Лично он не знал, куда себя девать в этом сельском раю. Рыбалка, пение соловьев на вечерней зорьке, мычание коров на утренней, вдохновенное кудахтанье кур... Случайное розовощекое яблоко в бочке с водой... Все – на любителя. Андрей не относился к любителям сельской пасторали.

А уж Аська – тем более.

Девочка обеими руками держалась за его ладонь.

– Оставь Асю со мной, – не выдержал Андрей, хотя формула Высоцкого «упрашивать – я лучше сдохну!» была и его формулой.

– А ты ей кто? – мгновенно отреагировала Марина, будто только и ждала случая. – Ты даже не муж мне.

Это она любила – расставлять точки над *i*, указывать ему шесток. Просто обожала.

Когда они с Маринкой сошлись, Аська была трехлетним толстым карапузом, и Андрей носил девочку на закорках и возил на спине, изображая ретивого скакуна. И по простоте душевной считал, что вполне заслужил право голоса.

Марина так не считала. На ребенка у Марины существовало монопольное право.

Иногда – совсем редко – Андрею приходило в голову, что он заслуживает лучшей участи. И женщины.

Если верить психологам, никаких брачных перспектив у таких пар, как они с Маринкой, нет.

А что есть?

– Перестань витать в облаках, – взмолилась Марина, – мне только не хватает опоздать на самолет. Все остальное я с тобой уже проходила.

Это было явное преувеличение, но в каком-то смысле оно даже льстило Андрею.

Выйдя из оцепенения, он спустил с крыльца сумку на колесиках, подкатил к заднему бамперу. И думать нечего впих-

нуть все в багажник, в котором хранится «запаска».

– Надо было арендовать пикап или заказать фургон, – усаживаясь в машину, пробубнил под нос Андрей. Вовсе не рассчитывал, что его услышат, но его услышали.

– Ты заработал свой первый миллион? – невинным голосом поинтересовалась Марина. Она уже устроилась на соседнем месте и пристегивала себя ремнем безопасности.

Вот, что у таких пар есть – полный кубок яда. Пей от пуза. Или кубок с равнодушием, а это тоже своего рода яд. Разве в законном браке не то же самое?

– Еще нет, но уже скоро.

– Я слышу это уже семь лет.

– Потерпи еще немного, – примирительно попросил Андрей. – Валерка обещал шабашку. – Под шабашкой Андрей подразумевал «левую» рекламу.

Он вывернул шею, оглядываясь, – баррикада в салоне мешала обзору, – и сдвинул «фольксваген» с места.

– Еще семь лет?

– Меньше. Уже меньше.

– А что изменилось? Я чего-то не знаю? Ваша шарашка заключила договор с «Проктор энд Гембл»? – Черная стрела правой брови изогнулась дугой, лоб натянулся треугольной морщинкой.

– Нет, конечно, ты все знаешь, – поспешил отвести подозрение Андрей.

«Еще бы ты не знала», – мысленно добавил он.

Домашний комиссар, особист, Салтычиха – так он про себя называл Марину.

Андрей вздохнул.

Они уже выезжали на проезжую часть, и вздох этот можно было отнести к встречной «мазде», за рулем которой сидела девица в черных очках. Женщины за рулем вызывали у Андрея тихую панику. Как воительницы в доспехах средневековых рыцарей. Что-что, а руль Маринке он никогда не доверял.

Он бы и Аську ей не доверил, если бы ребенок был общим, как «фольксваген».

Глава 2

...Покидая утром дом, Андрей запер дверь с особой тщательностью и в продолжение всего дня испытывал маету и сосущее чувство в области пупка.

Тайный страх, что пока он корчит из себя гения рекламы, квартиру наводнили новые жильцы, к четырем часам пополудни достиг пика. Андрей отпросился с работы и по пути домой превысил скорость.

Убедившись, что замки целы, и никто не покусился на их с Маринкой совместную собственность, испытал невероятное облегчение и тут же устыдился себя.

У этой нервозности и мнительности могло быть только одно объяснение – вынужденный целибат. Обозвав себя озабоченным придурком, Андрей окончательно расслабился.

К утру следующего дня риэлторша и покупатель приобрели сходство со сновидением: те же размытые очертания, та же неопределенность и недостоверность.

Сделав кофе, Андрей пошел с ним в ванную и там, отхлебывая из чашки (была у него такая привычка), принял душ и побрился.

Завершив туалет, покинул ванную, но вспомнил о чашке и вернулся за ней – тень Маринки словно преследовала его.

Проходя мимо телефона, увидел прижатые аппаратом листы. Постоял, всматриваясь в строчки: не приснилось. Так и

есть – договор на имя Марины Николаевны Лиховец.

В расчете выпить еще одну чашку кофе, отправился с бланком на кухню.

Здесь уже всю хозяйничало солнце: нежилось на подоконнике (протирать влажной тряпкой раз в неделю), подлизывалось к пузатым кашпо с нежной растительностью (поливать два раза в неделю), заигрывало со стеклянными дверцами шкафчиков. С дверками тоже нужно было производить какое-то действие в предписанные сроки, но Андрей не помнил, какое и когда. Впрочем, все было перечислено и пронумеровано в длинном перечне его обязанностей по дому, так что память можно было не напрягать.

Никакой нужды в этих инструкциях не было. На самом деле, Андрей не избегал домашней работы. Мамина школа. «Мужчина должен уметь все делать лучше женщины. Тогда его будут уважать», – внушала она сыну. Мама, мама! Как же ты ошибалась!

Поймав солнечный луч, Андрей по диагонали прочитал документ, составленный, судя по дате, незадолго до отъезда Маринки на Кипр.

Андрею показалось, что он бредит.

Из кокетливых букв, набранных шрифтом Courier New, двенадцатым кеглем, складывался иррациональный смысл.

Листы стали тяжелыми, рука бессильно повисла.

Почувствовав слабость, Андрей сел на подвернувшийся стул и еще раз прочитал соглашение.

Внезапно строчки взорвались в голове смыслом: Марина
таки продает их общую жилплощадь...

Глава 3

...Попытка поговорить в скайпе не увенчалась успехом – на многочисленные вызовы Марина не отозвалась.

Андрей метался по квартире. Что все это значит, черт возьми? Ни сама Марина, ни Клара, старшая сестра Марины, ни их родители – никто словом не обмолвился, когда он навещал Аську. Прямо omerta какая-то.

В стариках угадывалось напряжение, и Андрей тогда про себя решил, что старики против Маринкиного отъезда. Он тоже был против!

Ася вжалась личиком в шерсть водолазки, захлопала носом:

– Забери меня, дядя Андрей.

Тетя Клара склонила рыжую голову:

– Пойдем, милая, – потянула девочку она, – пойдем. Ты останешься с нами.

Детские кулачки побелели от напряжения.

Андрей впитывал каждой порой недосказанность. Он ничего не понимал. И долго еще казнился, оставив Аську в паучьих Клариных пальцах. Чувствовал себя Иудой и Иродом в одном лице.

Впрочем, Андрей всегда знал, что он неудачник. Как это у поэта? «Нет ни в чем вам благодати; с счастьем у вас разлад...» Еще какой разлад.

Сама мысль о возможном конфликте была противна Андрею, но он заставил себя еще раз навеститься к старикам. Надеялся застать у них Клару.

Было воскресенье, а по выходным Клара с сыном регулярно отправлялись к родителям, как мусульмане в Мекку: по сключности характера Клара не убереглась от развода, и родители были для нее всем – религией и лужайкой, на которой они с сыном паслись.

В джинсовых шортах, открывающих варикозные ноги, с примятой со сна стрижкой, Клара встретила Андрея во дворе молчанием.

– Андрюша, – засуетилась теща, – чаю попьешь?

– Нет, спасибо, Ирина Степановна, – с рассеянной вежливостью отозвался Андрей, – я завтракал. А Ася спит еще?

– Спит, – подтвердила Ирина Степановна, – разбудить?

– Я хотел у нее спросить про велосипед. Привезти его или не нужно?

– Так я разбужу, – Ирина Степановна уже подалась к дому, но была остановлена Klarой:

– Не нужно, мама, не буди. – Интонация была непререкаемой.

Андрей решил.

– Клара, нам нужно поговорить.

– Ну, давай поговорим. – Клара кивнула на патио «а ля рюс» – почерневшие от времени деревянный стол с двумя скамьями.

Ирина Степановна неслышно исчезла в доме.

Устроились друг напротив друга. Взгляд Клары расстреливал в упор, Андрей изучал сучки на растрескавшейся столешнице.

– Маринка что, не собирается возвращаться? – задал, наконец, мучавший вопрос.

– Это ты у нее спрашивай.

– Так ты же ее душеприказчица.

– Скорее, поверенная в делах.

– У нее там появился кто-то?

– Все вопросы – к Маринке.

– Тогда почему она продает квартиру?

– Спрашивай у нее. Мое дело маленькое – найти риэлтора.

– Спрошу, конечно. При первой же возможности. – Андрей поднялся, отряхнул ладони – на них налипла деревянная труха.

Понимал, что бессмысленно, но все же спросил:

– Она все продумала заранее? И Асю у стариков оставила поэтому?

– Асю оставила, – с нажимом ответила Клара, – потому что это ее родные бабушка и дедушка.

– Можешь не продолжать, я все понял.

– Рада за тебя.

Глава 4

...В понедельник пытка неизвестностью продолжилась, и Андрей взял отпуск.

Соврал Валерке, что уезжает в деревню, а сам заперся в квартире и, преодолевая отвращение к водке, стал методично напиваться. Стакан за стаканом.

Уже после первого в воображении возникло море, лунная дорожка, на песчаном берегу два тела, сплетенные в страсти...

Анестезия не действовала. К старым комплексам прибавилось чувство вины.

Семья чем-то напоминает церковь: есть паства, есть пастырь. Ожидается, что пастырь – муж и отец. Если муж не пастырь, то кто тогда? Душегуб.

Какой из тебя пастырь, спрашивал себя Андрей, если Маринка продала душу из-за тебя. Это ты, мужик, должен был добывать деньги... А ты? Толкнул жену в объятия какого-то проходимца. Ты и есть душегуб.

Андрей хлопнул еще один стакан водки, лег и закрыл глаза, ожидая эффекта.

Голова отяжелела, но сознание не меркло, было ясным и злым.

Ты, ты, ты, – стучало в черепе, – ты виноват во всем. Ни на что не способный, безвольный урод.

Это у тебя никаких притязаний, а у нее – высокие. Это тебя все устраивает, а ее – нет. Рядом с тобой она рвала жилы, стремилась соответствовать...

«Чему соответствовать?» – проклянулся из глубины сознания осторожный вопрос, и подсознание уже готовило подсказку: амбициям...

Андрей даже застонал от отвращения к самому себе: снова ты ищешь себе оправдание!

Твоя бесстрашная, отважная Маринка отправилась к чужим берегам не от хорошей жизни...

Вливая в себя огненную жидкость, был уверен, что умрет от такой дозы. Должно же ему повезти хоть однажды в жизни? Не повезло. Не умер.

Через три дня потерялся во времени и пространстве. Это уже можно было считать удачей, но ему снова не повезло.

Везение спугнула Клара.

Она хлестала Андрея по щекам и поливала водой, пока он не пришел в себя настолько, чтобы удивиться:

– Где я?

– В чужой квартире, – с мстительным удовольствием сообщила Клара. – Даю тебе три дня. Через три дня ты освободишь жилплощадь от своего присутствия. – Клара работала секретарем в суде и по большей части выражалась изысканным юридическим языком.

Прищуривав один глаз, Андрей проводил нервную спину мутным взглядом. Что это было?

Звон посуды и чмоканье дверцы холодильника запустили в организме разрушительный механизм. Андрею показалось, что в голове у него имплантат – складной ножик со множеством лезвий, сверл и пилочек. Лезвия, сверла и пилочки вонзались в серое вещество при каждом движении и звуке.

Наконец, хлопнула входная дверь.

Подобие ухмылки исказило распухшее лицо Андрея.

Последнее слово, значит, за вами? Думаете, Андрей Гож – лапки кверху и сдался? Думаете, можно Андрея Гожа под зад коленом – и на улицу? А вы, значит, с каким-нибудь этническим турком или греком будем отплясывать сиртаки? А вот вам. Морщась от головной боли, Андрей ударил себя по локтевому сгибу: нате-ка, выкусите.

Квартира оформлена на Маринку, но куплена на общие деньги. Выражаясь судебным языком, является совместно нажитым имуществом.

Так легко он не сдастся. На это у него хватит характера. Впервые в жизни он добьется своего просто потому, что ему некуда деваться. Не на улицу же?

Испытав внезапный внутренний подъем, даже заставил себя подняться с ложа. Это оказался диван в гостиной. Тэ-эк...

Неверной походкой Андрей направился к дверному проему, на пороге остановился, постоял в раздумье. Как из гостиной попасть в ванную?

А, вспомнил! Вот же она, ванная! Напротив гостиной.

Все складывалось удачно.

Под контрастным душем многочисленные сверла и лезвия спрятались в пазы, боль свернулась клубком. Затылок окаменел, будто в него впился мангуст или змея-Клара.

Близилась ночь. О том, чтобы заснуть с мангустом на затылке, не могло быть и речи.

Если уж он решил не сдаваться, то придется обезвредить хищника... Утопить...

...Остаток отпуска Андрей провел на осадном положении: риэлторша и Клара вместе и врозь предпринимали попытки проникнуть в квартиру, он эти попытки изобретательно отражал.

Последний раз жильё удалось отстоять с помощью случайных друзей – Витька и Сереги. Знакомство состоялось в пивнушке и продолжилось дома у Андрея.

На темном стекле журнального столика были разложены газеты с таранькой, упаковка крабовых палочек и пакетик чипсов. Венчала все это великолепие банка с маринованными опятами.

Отряхнув сомнительной чистоты брючата, приятели пристроили зады на новые диван и кресло с велюровой обивкой цвета речного песка, открыли грибы.

– О! Это откуда? – осклабился Андрей. Он не помнил, когда ел что-то существенней чипсов.

– У тебя в холодильнике было. А че, нельзя?

– Да что вы, парни, можно, все можно, – поспешил успокоить гостей хлебосольный хозяин.

– Тогда вздрогнули?

– За знакомство.

После первой не закусывали, быстро разлили по второй.

– За мужское братство.

Никто не услышал, как открылась входная дверь – в приливе гостеприимства Андрей забыл запереться изнутри, – и на пороге материализовалась Клара.

– Это еще что такое? – Несколько секунд в напряженной тишине Клара обводила мрачным взглядом собрание. – А ну, кыш отсюда, дегроты, пока полицию не вызвала! Устроили распивочную. Бичи чертовы!

«Дегроты» не обиделись.

– А попробуй. – С лицом человека, которому нечего терять, Витек оторвал зад от велюровой обивки. Серега и Андрей примкнули к приятелю. Втроем пошли боевым каре на возмутительницу спокойствия.

Изрыгая угрозы, ведьма Клара покинула «залу».

Витек и Серега оказались реальными пацанами, с понятием.

– Все бабы суки, – был вынесен вердикт.

Такого единения душ Андрей не находил даже в Валерке, а они дружили с восьмого класса средней школы.

Валерка был настоящим занудой, неспособным понять «души прекрасные порывы».

– Надо делить имущество через суд, – вещал он, – вы жили в гражданском браке с Маринкой, мы это подтвердим.

«Мы» – это Валерка и его благоверная, Алка.

А Витек с Серегой не стали терять драгоценное время на разглагольствования: они просто встали на защиту крабовых палочек, тараньки и опят.

Глава 5

...Олимпиада Разгуляева преподавала «русский язык как иностранный» кучке китайских студентов.

На дворе доцветал май, близились зачеты и экзамены, по этой причине Олимпиада была приглашена на вечер в честь преподавателя – в свою, то есть, честь.

Коротко стриженная, пухленькая, невысокая, еще в начале первого семестра Олимпиада подверглась пристальному вниманию мужской половины аудитории, если так можно назвать группу из одиннадцати человек.

Знание языка ограничивалось на тот момент счетом до десяти и словами: «подлуга», «здлаस्थ्यте», «пасибя», «дасвиданя». Поэтому личные вопросы стали проскальзывать постепенно, по мере овладения предметом.

Первый был: вы замужем?

Олимпиада подпустила в интонацию кокетства: нет. Не замужем.

Кокетство было наигранным и не вязалось с печалью на дне глаз.

Следует признать: Липочка была фантазеркой. Однажды она нафантазировала себе принца и все ждала, когда в ее дверь постучит приятной наружности молодой человек, возьмет за руку и поведет прямо в халате в счастливую далекую даль.

Фантазия исполнилась только наполовину.

Подающий большие надежды аспирант некоторое время присутствовал в ее жизни, и любовь присутствовала. Только аспиранта позвали в столицу, а Олимпиаду он с собой не пригласил. И правда: зачем в Тулу со своим самоваром?

Липочка даже пыталась приживить в черепе мысль, что и не было никакого мужчины. Безуспешно, правда, пыталась, если вспомнить маниакально-депрессивный психоз, в который она тогда вляпалась. Долго выбиралась, два года сидела на антидепрессантах. И в Троице-Сергиеву Лавру ездила, и к Матроне Московской. Наверное, все вместе помогло. Правда, психиатр – чудесная, чуткая женщина – предупредила, что следует избегать стрессов и страстей, иначе болезнь может вернуться. И Липочка панически боялась второго дубля. Всего этого китайским студентам не объяснишь.

Затем последовал вопрос о возрасте. На этот каверзный вопрос Липочка отвечать не стала: ей уже стукнуло двадцать семь, так что хвастать было нечем.

После короткого интервью посыпались приглашения на студенческие вечеринки в духе дружбы народов.

Это последнее было четвертым за семестр: первое случилось накануне зимних каникул, второе – на китайский Новый год, третье – на Восьмое марта и вот – перед летней сессией.

Еще в начале учебного года Олимпиада уваливала, отказывалась от приглашений, находя неэтичным встречаться со

студентами за каким-либо столом, кроме письменного. Да еще и распивать спиртные напитки.

Однако завкафедрой Наталья Соколова уличила Липочку в снобизме.

Объявила, что в их положении неэтично – это как раз отказываться. Что китайцы, во-первых, по традиции чтут Учителя, а традиции надо уважать и поддерживать, потому что народ силен именно традициями. Во-вторых, Олимпиада олицетворяет собой не столько курсы для иностранцев, не столько университет, сколько всю Россию, и поэтому не имеет права рассуждать, как европеизированная гордячка, законченная индивидуалистка. В-третьих, китайцы платят за обучение валютой. Надо рубить фишку... И так далее, и тому подобное.

– Так что окажи милость, сходи в гости к своим студентам. Не облезешь, – завершила программное выступление Наталья.

Липочка была интеллигенткой в третьем поколении и не стала ввязываться в словесную баталию с заведующей кафедрой.

Ситуация усугублялась географией: дом, где жила Олимпиада, находился в квартале от студенческого общежития.

Наталья Соколова быстро смекнула, как этим подарком судьбы воспользоваться:

– Будешь у них куратором, – не терпящим возражений тоном сообщила она аспирантке Разгуляевой.

Наталья подловила аспирантку на чувстве ответственности: помимо воли Липочка опекала своих студентов. А однажды даже устроила настоящий скандал, защищая их на улице от каких-то гопников.

И, вызвав такси, Олимпиада с покорностью агнца отправилась на какую-то съемную квартиру в богом забытом микрорайоне, где был накрыт стол.

В квартире стоял чад, сладкий лук со сладким картофелем и пророшенная соя застревали в горле, и сделать с этим Липочка ничего не могла, не скомпрометировав себя. А компрометировать себя не хотелось – все-таки она олицетворяла собой не столько курсы для иностранцев, не столько университет, сколько всю Россию.

Отведав сладкого лука, Олимпиада Разгуляева поняла, насколько это тяжкий труд – олицетворять собой Россию, и твердо решила не попадать под влияние завкафедрой и китайских традиций. Пусть студенты ограничиваются дарением цветов и шелковых покрывал в национальном стиле, коих в доме уже три.

Последнее, четвертое, приглашение застало Липочку врасплох.

В воздухе носилось лето. Идти в общагу с визитом вежливости не хотелось категорически. Хотелось перемен и обновлений. Хоть каких-нибудь.

Каждую весну Олимпиада испытывала творческий зуд, который никак не мог оформиться во что-то определенное.

То ей хотелось научиться писать маслом, то фотографировать, то освоить бисероплетение или вышивание крестиком. То закончить курсы фитодизайнеров. Или, как сейчас, сотворить из ничего нечто...

Дома, поддавшись зову творчества, Липа стащила с антресолей чемодан со старым барахлом, вытряхнула содержимое на диван.

Пожелтевшая от старости батистовая ночная сорочка, блузка с жабо, платье в народном стиле (белое поле с коричневыми цветами) с клетчатой оборкой, престарелый замшевый жилет будили воображение...

Примерив все, но так ничего и не придумав, Липа отправилась на кухню, нажарила картошки и основательно заправилась. Придавленная жареной картошкой, тоска о неведомом капитулировала.

Липочка устроилась с ногами в кресле и провалилась в «Утешительную партию игры в петанк» с твердым намерением не отвечать на звонки.

Примерно через час в дверь интеллигентно позвонили. Подумав о визитере, что его «черт принес», Липочка выбралась из кресла, подволакивая затекшую ногу, проковыляла в прихожую и заглянула в глазок.

И снова беззвучно чертыхнулась: в глазок преданно смотрел лучший в группе «брат навек» – Миншенг, Миша на русский манер.

Китайская национальная черта – упорство, напомнила се-

бе Олимпиада.

Одернув курточку домашнего костюма, открыла дверь.

– Здравствуйте, – Миша сопроводил приветствие детской улыбкой.

– Здравствуйте, – проямлила Липа.

– Олимпия, – огорчился Миша, разглядев домашний костюм, – мы вас ждать.

– Это что еще что за «мы вас ждать» накануне экзамена? – ахнула Липочка и повелительным жестом пригласила Миншенга в прихожую. – Ну-ка, склонение глагола «ждать».

– Я жду, – возведя глаза к потолку с пыльным плафоном, стал вспоминать Миша-Миншенг, – ты ждешь, вы ждете... Мы... вас... ждем, – наконец, сформулировал он.

И Липочка смягчилась.

– Хорошо, я приду. На полчаса. Вы идите, Миншенг. Я на велосипеде.

От дома до студенческого общежития вялым шагом было идти семь минут, но Олимпиада решила совершить променад на ночь, сделать несколько кругов вокруг спортивной площадки. Если уж ее оторвали от «Утешительной партии...», надо извлечь максимальную пользу из неприятности.

Закрыв за нарочным дверь, влезла в цветастую длинную юбку в цыганском стиле и джемпер. Держа под мышкой, вынесла с балкона новенький Stels Pilot Girl – единственное напоминание о коварном аспиранте – обулась, взяла ключи от

дома и захлопнула дверь квартиры.

С этого исторического момента началась цепь злоключений в жизни Олимпиады Разгуляевой.

Глава 6

...«Викторию» над Кларой следовало отпраздновать, и Андрей собрался за бутылкой. Долго и тщательно одевался: рубашку застегнул на все пуговицы и старательно заправил в джинсы, затянул ремень в надежде, что это придаст устойчивость телу.

Воспитывая силу воли, расшнуровал и снова зашнуровал шнурки на спортивных туфлях.

И впал в задумчивость. Каким транспортом отправиться в магазин: на Аськином велосипеде или за рулем «фольксвагена». Выбор пал на велосипед.

Андрей вывел средство передвижения из подъезда, перебросил ногу через раму, оттолкнулся и закрутил педали. Руль сначала завиялял, но потом выправился, и Андрей смело выехал на проезжую часть. И сейчас же собрал горящие угли на свою голову – не стесняясь в выражениях, участники дорожного движения высказывались на его счет.

Это чудесным образом дисциплинировало Андрея, он прижался к правому бордюру и покатыл в сторону круглосучного магазина.

Проехав два квартала, свернул в аллею.

По обеим сторонам аллеи тянулась зеленая изгородь из бересклета, несли почетный караул тополя, а по углам сбились в кучку кусты сирени. Свет ночных фонарей пробивал-

ся сквозь листву и неровным кружевом ложился на дорожку.

Не успел Андрей проехать и нескольких метров, как из боковой аллеи, как камень из пращи, прямо на него вылетел велосипедист.

В темноте Андрей даже не понял, что произошло: толчок, скрежет металла и резкая боль...

Удар пришелся в переднее колесо с левой стороны. Так и не выпустив руль, Андрей боком повалился на асфальт, сильно ударив колено и локоть. Велосипед издал жалобное треньканье, ногу защемило педалью.

Все смешалось – свое, чужое: рули, спицы, ноги. Ко всему нарушитель (во всяком случае, так распределил роли Андрей), оказался сверху и придавливал к асфальту.

– Твою мать! – дал волю чувствам Андрей. – Какого черта? У меня же главная!

Велосипедист тоненько захныкал:

– Главная? Глаза разуй! Главная у него. Смотреть надо.

Велосипедист оказался девчонкой, и в Андрее проснулся отцовский инстинкт:

– Ты как? Руки, ноги целы?

– Не знаю.

– Слезь с меня.

– Не могу.

Андрей попробовал стряхнуть с себя кучу-малу.

– Ой! – пискнула девица.

– Да что же это такое? – вознегодовал Андрей. – Мне что,

так и лежать до окончания времен?

Вопрос был риторическим.

Поскуливая и жалуясь маме, девица перетащила себя с чужого колеса на асфальт.

– Съездил, называется, в магазин, – продолжал ворчать Андрей. Стыдно признаться, но ему тоже хотелось скулить и причитать – ушибленный локоть саднило, колено отзывалось острой болью. Вставая, Андрей принял высокий старт: поднял зад, оттолкнулся от земли. Распрямился, морщась.

– Вы мне ногу сломали. Кажется. – Голос девицы тонул в слезах.

– Я?! – поразился Андрей. – Это ты мне чуть не сломала руку и ногу. А ну, вставай, гонщица! – Он сунул ладони под мышки девице и потянул. Незадачливая гонщица вскрикнула.

Девица оказалась далеко не воздушной, подмышки – уютными. И пахли хорошо.

– Елы-палы, – прорычал Андрей, – откуда ты только взялась на мою голову, такая неженка?

– Валенок, – отозвалась неженка.

– Какой есть. Ты встанешь, или тебя на руках нести? – все еще держа велосипедистку на весу, Андрей качнулся.

– Отпустите! – жалобно пискнула девица. – Я сама.

Вцепившись в брючину Андрея, гонщица повторила попытку встать. Затянутые ремнем, джинсы на Андрее угрожающе съехали и держались на выпирающих тазобедренных

костях – он сильно похудел за время своего творческого отпуска.

Шмыгая носом, девица поджала ногу и, наконец, поднялась с асфальта. Раздался треск ткани, и на спицах Аськиного велосипеда остался яркий лоскут.

Сдерживаемые слезы хлынули водопадом:

– Мамочки! Юбка!

В душе Андрей был убежденным гуманистом. Он не стал упрекать или критиковать девушку и даже перестал дышать.

Поднял чужой велосипед, под которым покоился его собственный, прислонил к тополю, окинул взглядом – вроде цел.

И счел миссию выполненной. И, ведя Аськин велик за погнутой руль, со спокойной душой удалился. Только на колесе мелькал лоскут от пестрой юбки...

Глава 7

...Голос был мужским и грубым – это Андрей определил даже с закрытыми глазами.

– Гражданин Гож, вставайте.

То, что Андрей увидел, разлепив веки, потрясло его до седалищного нерва: двое бойцов в черных масках с прорезями для глаз и рта заняли позицию у входа в спальню. Над постелью склонился полицейский в чине капитана – это он тряс Андрея за плечо.

В глазах Андрея ужас сменился догадкой:

– Клара, – разлепил он спекшиеся губы. – Наводчица.

Подтверждая догадку, в спальню вплыла сестра Марины.

– Допился, – обличила она зятя.

Сморщив нос, прошла к окну, отдернула штору и отворила рамы.

Подчиняясь единственному желанию, чтобы все исчезло, чтобы картинка мира вернулась в прежнем виде, без полиции и спецназа, с таранькой и опятами, Андрей плотно сожмурил веки.

– Поднимайтесь, гражданин Гож, – снова потряс за плечо полицейский.

– А что такое? Почему я не могу у себя дома поспать? Я в законном отпуске. – Что-то подсказывало Андрею, что визит этот – неофициальный, и Клару с капитаном связывают

неформальные, возможно, даже интимные отношения.

– В отпуске он, – фыркнула Клара, – отпуск у тебя, как у полярника, полгода? Две недели уже прогуливаешь, твой начальник тебя обыскался, телефоны оборвал. Всегда знала, что ты латентный тунеядец и алкоголик.

Начальника Андрей не боялся. Начальник и друг Валерка был един во всех лицах.

– Ну и че? – чувствуя, что наглеет, и ему это нравится, спросил Андрей.

– Да что вы с ним церемонитесь, товарищ капитан, – заторопила Клара не в меру гуманного опера.

– А не имеете права. Я в своем доме. – Андрей перевернулся на бок и подпер голову ладонью.

Клара сорвалась с места, безо всякого почтения выдернула подушку, на которой покоился локоть Андрея:

– Нет у тебя ничего своего! Вставай, гений непризнанный, – прошипела она.

Андрей безвольно рухнул на матрас и призвал в свидетели полицейского.

– Господин офицер, а че она бесчинствует?

– Клара Николаевна, – одернул капитан наводчицу, – ну, зачем вы так? Гражданин сам сейчас встанет.

В голосе капитана Андрею почудился намек на сочувствие, и он обнаглел окончательно.

– Когда надо, тогда и встану.

– Встанет он, как же. Он уже все лежа делает. В ночлежку

квартиру превратил, животное.

– Ой-ой-ой, – паясничал Андрей, – правильная ты наша.

Непогрешимая. Бескрылый серафим.

Клара восприняла это как намек.

– Да он же издевается! – задыхнулась она от негодования и подалась к постели.

– А может, у меня больничный?

– Я тебе сейчас организую больничный! – Под руку Кларе подвернулись джинсы, и она хлестнула ими латентного ту-неядца и алкоголика.

Капитан перехватил ее руку, посуровел:

– Так! Прекратили базар! Гражданин Гож!

– Я! – Андрей как мог быстро сел, выпростал из-под одеяла длинные худые ноги в светлой опушке.

– Одевайтесь, – лейтенант сунул джинсы Андрею.

Андрей прижал их к сердцу, отбросил одеяло и встал с кровати, явив миру полосатые трусы – красные с серым.

Поджав губы, Клара отвернулась.

Глава 8

...Когда от вас бежит удача, она выбирает тореный путь: дом – здание суда.

Заседание было назначено на девять утра – Клара, видимо, рассчитывала, что зятек проспит.

Андрей не доставил свояченице такого удовольствия. Он сидел квелый, потный и отупевший и в нагромождении слов не различил угрозу:

– Суд постановил: недвижимое и движимое имущество – двухкомнатную квартиру на улице Гагарина, машину марки «фолькосваген», а также моторную лодку типа «Корсар», принадлежащие Марине Николаевне Лиховец, признать неделимым. На время отсутствия Марины Николаевны Лиховец права на имущество передать ее сестре, Кларе Николаевне Битюцкой. Ответчик и истец, получите копии решения в секретариате.

Стукнул молоточек, судья поднялась. Все было кончено.

Андрею показалось, что его преследуют химеры – последствие злоупотреблений алкоголем. Так не бывает. Они же все «движимое и недвижимое» наживали с Маринкой вместе, сообща. Он же продал однушку в пригороде... Как же это? Или Клару с теткой-судьей тоже связывают интимные отношения?

За лодку почему-то было особенно обидно – она и так бы-

ла в полном распоряжении родственников: они с Маринкой купили ее, чтобы рыбачить в отпуске.

– Судью на мыло! – хотел крикнуть Андрей, но из горла вырвался невнятный клекот.

Покинув здание суда, Андрей в заметном смятении поплелся мимо скамеек к своему «фольксвагену».

Клара метнулась наперерез:

– Так, зятек. Гони ключи.

Андрей растерялся:

– Какие?

– Все! От машины и от квартиры. – Клара протянула раскрытую ладонь.

– А мне куда деваться?

– Куда хочешь. Ты теперь вольная птица.

– Но ты же знаешь, что я продал квартиру в Сосенках, куда же мне теперь?

– Ты здоровый, крепкий мужик, а скулишь, как щенок. Развратила тебя Маринка опекой. Все! Некому больше тебе сопلي вытирать. Теперь попробуй, пробейся сам, и поймешь, может, что почем в этой жизни. Давай. – Клара в нетерпении пошевелила пальцами с накладными ногтями.

Андрей замороженным взглядом следил за этим шевелением. Венерина мухоловка, а не женская ладонь.

– Оставь мне хотя бы машину на время.

– Обойдешься. – Снова нетерпеливое покачивание ногтей-лепестков.

Вытащив из кармана, Андрей поднял связку ключей над ожидающим хищным зевом и разжал кулак. Упрашивать – я лучше сдохну...

Цветок-убийца накрыл связку и проглотил.

Глава 9

...К утру понедельника щиколотку разнесло, а с внешней стороны прямо под косточкой оформился устрашающего вида и размеров синяк. Олимпиада запаниковала: вдруг разрыв связок? А если перелом?

Она постаралась взять себя в руки. Набрала в грудь воздуха и выдохнула.

Так, вспоминай симптомы перелома: крепитация, отек, острая боль при движении... Зря, что ли, в институте целых два года тебе вдалбливали курс «медсестра гражданской обороны»?

Липочка осторожно пальпировала опухоль, наплывшую на ступню – ничего. Пошевелила сначала большим пальцем ноги, потом остальными четырьмя – получилось. Может, пронесет?

Соблазн обойтись без хирурга был велик, но страх оказался сильнее.

Закусив губу, проскакала на одной ноге к телефону, набрала номер.

– Кафедра современного русского языка, – ответила трубка голосом Натальи.

– Наташ, – захныкала Липочка, – я ногу подвернула вчера, мне в поликлинику нужно.

– Нашла время. Что, сильно подвернула?

– Сильно. Ступня опухла и синяк жуткий.

– Надеюсь, ты не собираешься на больничный? – на всякий случай уточнила Наталья.

– Нет, конечно, – поразилась Олимпиада, – только покажусь хирургу и приеду.

– Хорошо, я твоих займу чем-нибудь на пару часов.

– Спасибо, Наташ, ты настоящий друг, – рассыпалась в благодарности Липочка. – Я отработаю.

– Да уж, не сомневайся.

В поликлинике Олимпиаде показалось, что отек стал спадать, и боль уменьшилась, и вообще все пройдет. Уже проходит. И она еле удержала себя на новой, обтянутой синим дерматином кушетке.

Высеченный из скалы, грубый на вид дядька-хирург развеял иллюзии:

– Сдается мне, тут растяжение с разрывами связок. Так, барышня. Сейчас на рентген, потом снова со снимком ко мне.

Липочка проделала все в точности до запятой, вернулась с сырым еще снимком.

Не вставая с места, дядька-скала развернулся всем корпусом к окну, посмотрел снимок на просвет.

– Угу, угу, – пробубнил он, – так-так-так... Ничего непоправимого. Обойдемся тугой повязкой.

Тут он достал бланки больничных листов, и у Олимпиады опустилось сердце:

– А больничный обязательно?

Из скальной породы пробился глубокий и умный взгляд:

– Барышня, нельзя недооценивать травму и ее последствия.

Домой Липа возвращалась с открытым больничным листом, с повязкой, туго стягивающей стопу и щиколотку, и мрачным предчувствием, усугубившимся после встречи с черной кошкой. Как она себя ни уговаривала, что суеверие – это «суе» верие, пустое, что кошка – это всего лишь бездомное животное, и ничего больше, внутренний голос подсказывал, что Наталья будет биться в истерике.

Как говорится, предчувствие ее не обмануло. Или примета оказалась верной.

– И ты так спокойно об этом говоришь? – с пол-оборота завелась Наталья, – что у тебя больничный? На зачетной неделе? Накануне экзамена?

– Нет, я не спокойно об этом говорю, – испугалась Олимпиада, – я расстроена не меньше твоего.

– Кто, по-твоему, будет у них принимать зачет? Я? – продолжила распалаться Наталья. – У меня своих дел выше крыши. И потом – кто, кроме тебя, может проверить их уровень знаний? Это же твои студенты?

Логика в этом отсутствовала, и Липочка попыталась возразить.

– Я от них не отказываюсь.

– Тогда вот что: ты будешь заниматься с ними дома.

– Как – дома? – ахнула Липочка, – но это неудобно. Я же не надомница какая-то.

– А удобно подводить коллег? И студентов.

Олимпиада хмыкнула: что-то ей подсказывало, что студенты будут только рады...

– Ну что случится, если экзамен перенести?

– Ты хочешь возиться с ними все лето? – вопросом на вопрос ответила Наталья.

– А почему сразу – все лето?

– Да потому что. Им только намекни, что можно сдавать позже... Это у тебя первый выпуск, а я уже ученая. Как хочешь, а я в отпуске с пятнадцатого июня. Мы с Соколовым уже билеты выкупили в Крым, он уже ласты и маску положил в сумку. Сезон открывать собирается.

Против ласт возражений у Олимпиады не нашлось. Она молчала, дышала в трубку – та уже прилипла к уху. Отпуск менял дело. Отпуск Липа тоже планировала провести в других широтах.

– Но у меня не убрано, – выдвинула аспирантка Разгуляева последний аргумент.

– Не грузись. После общаги им твоя квартира раем покажется.

– Ладно, пусть приходят, – выбросила белый флаг Липа. Бой был неравным. Мысленным взором Липочка уже видела, как с повязкой на ноге прыгает по квартире, наводит порядок...

– Отлично.

– Отлично, – скуксилась Липа, слушая отбой. Одно только примиряло с принудительным домашним преподаванием: можно будет отправить кого-нибудь из курсанток в аптеку и за хлебом, сыром и колбасой. Скорее всего, Раю. То бишь Ренгсианг.

Глава 10

...Словно наткнувшись на невидимую преграду, Андрей замер посреди кабинета: за его столом обретался какой-то прыщавый недопесок.

На долю секунды замешкав, Андрей развернулся и отправился к начальству. За спиной воцарилась насыщенная тишина.

Валеркин взгляд, сделав дугу от монитора к двери, стал неприязненным:

– Явился?

Месяц пьянки изменили друга: он выглядел на все сорок, хотя им с Валеркой не исполнилось и тридцати пяти.

– Как видишь. Как тут у вас? – Неожиданно Андрей испытал острую вину за свой загул.

– У нас? У нас нормально. У нас три новых рекламодателя.

– Молодцы. Слышь, Валер, там это... Мой стол занят. Где мне сесть?

– А знаешь, негде тебе сесть. Ты слишком долго отсутствовал, и мы как-то выкрутились. Приняли нового человека вместо тебя.

Лицо Андрея дернулось, он криво улыбнулся:

– Вот даже как? Ну, удачи.

– И тебе.

Продолжая по-идиотски посмеиваться, Андрей вернулся в отдел.

Под взглядами притихших коллег прошел к столу, с которым сроднился за последние девять лет:

– Можно? – Он показал на органайзер, набитый разным хламом.

– Конечно. – Вспыхнув, молодой человек поднялся и предоставил Андрею свободу действий.

Тишина наполнилась звуками: запиликал чей-то мобильник, зашуршали бумаги, загудел принтер...

«Упрашивать – я лучше сдохну», – твердил про себя Андрей, собирая немудреное барахлишко: ручки, карандаши, точилки, стикеры, блокноты, ластики и синюю кружку из термостойкого стекла. Подарок Маринки...

А он еще Валерку другом считал. Дерьмо собачье, а не друг.

Видите ли, подвел он Валерку. Разве это подвел? Вот его Маринка подвела, так подвела.

Сложив имущество, Андрей вдруг осознал, что у него больше нет дома, куда можно притащить все эти стикеры и ручки.

– Пусть здесь постоит, я потом заберу, – ни к кому не обращаясь, сказал Андрей.

Звуки снова замерли.

Пристроив коробку с барахлом на полке, служившей перегородкой, Андрей в полусознательном состоянии покинул

душный кабинет и очутился на улице.

Оказывается, до этого момента он употреблял слово «облом», до конца не понимая его смысла. Вот что называется обломом – вот это самое. Полным. Можно, конечно, назвать по-книжному: поворотный момент. Точка принятия решения. Перекресток судьбы. Излом... Но почему-то Андрею в его положении хотелось называть вещи своими именами... И название этому было...

Андрей выгреб последние четыре тысячи из кармана, разгладил их, сунул обратно и постоял в раздумье. Перекресток, тополя, редкая толпа горожан – жизнь продолжалась.

Словно приглашая, зажегся зеленый глаз на светофоре.

Вот и отлично, решил для себя Андрей, он будет умненьким-благоразумненьким.

Для начала пойдет вон в ту пельменную и съест порцию пельменей. Почему-то пельмени из общепита представились ему скользкими и вязкими. Впрочем, в его положении нужно забыть все дорогие привычки.

...Пельмени оказались гораздо приличней, чем можно было судить по виду пельменной.

Наколов на вилку последний, Андрей собрал сметану с тарелки и увидел Витька.

Тот боком протиснулся в зал и шарил глазами по столам в поисках знакомых лиц. На физиономии Андрея взгляд Витька не задержался – Андрея Витек не узнавал.

Поколебавшись ровно мгновение, Андрей помахал рукой:

– Витек!

В блуждавшем взгляде отразилось недоверие:

– Ты меня?

– Ну да, тебя. Ты же Витек?

– Витек.

– Подгребай к столу.

Новоиспеченный друг плюхнулся на стул, сморщился в неуверенной улыбке:

– Че-то я тебя не помню. Это с тобой мы у Кольки-хромого зависали на прошлой неделе?

– Нет, вы с Серегой на прошлой неделе у меня в гостях были. На Гагарина. Не помнишь, что ли? Я Андрей. Ну? Еще Клара, моя невестка, с ментами явилась и вытурила вас. Ну, помнишь?

– А! Эта, мочалка крашенная?

– Да. Ты уж прости, друг. Так вышло.

– Проехали, брат. Родственников, как говорится, не выбирают. Сам-то как?

– Выселила она меня. В суде работает, стерва. Все судьи свои.

– Надо выпить, – подсказал Витек.

– Нет, не могу. Меня сегодня уволили вот.

– Тоже Клара постаралась?

– Нет. Друг постарался. Пока я в отпуске был, принял другого на мое место. Теперь придется работу искать.

– Прямо сейчас, что ли? Завтра и начнешь. У тебя такое горе. Имеешь право принять. Обезболить, так сказать, душевную рану.

Андрей колебался.

Рана и горе имелись, и неприятности в ассортименте. Поводов выпить было предостаточно.

Витек был прав.

Официантка материализовалась, точно мысли умела читать.

– Заказывать будем?

– Двести водки и еще порцию пельменей.

После первой Витек извлек из заднего кармана джинсов замусоленный документ, протянул Андрею:

– У меня тоже была квартира. Смотри.

«Городецкий Виктор Андреевич», – прочитал Андрей.

– Ты дальше смотри, дальше, – настаивал Витек.

Андрей послушно перелистнул страницу. Прочел название улицы, вписанное в штамп о прописке: площадь Славы. Элитный центр.

– И что случилось?

– Давай еще по одной.

С мрачными физиономиями выпили, закусили.

Витек прожевал пельмень, утер рот пятерней.

– Я когда-то на заводе работал и даже в футбольной команде играл. В защите. Неплохим, кстати, защитником считался. Прикинь: уехали мы как-то на первенство области.

Отыграли. Кубок выиграли даже. Леха Пащенко – вратарь наш, – отвлекся Витек, – не слышал?

Андрей мотнул головой:

– Нет.

– Ну, короче. Мы с Лехой тачку взяли. Он домой тоже спешил, у него жена в больницу попала с аппендицитом. Возвращаюсь – бац! Моя бывшая дома с хахалем. Прикинь? Ну я и вломил ему по самое не могу. Сволочь живучим оказался, выкарабкался. Меня закрыли. Пока я чалился, бывшая моя продала квартиру и свалила из города.

Андрей не стал искать слова (все они были бессильны выразить глубину человеческой подлости), в скорбном молчании просто наполнил рюмки.

Одна порция пельменей на двоих и общее горе сблизили приятелей, симпатия достигла своего предела.

После четвертой Андрея совсем развезло – видимо, добавил на «старые дрожжи».

Наступила легкость.

Не то что раны – царапины не осталось в душе, одно сплошное блаженство. Небытие. С языка просилось что-нибудь этакое: «Жак! Кольт, новую колоду и бутылку шампанского!». Здесь следовало шелкнуть перстами, и Андрей попробовал проделать фокус – фокус не удался. Факир был пьян.

– Рассчитывайтесь, – устало промолвила официантка, возникнув у столика.

Витек держался молодцом и мыслил почти трезво:

– У тебя дензнаки есть?

Медленным движением, казавшимся ему самому точным, трезвым и где-то даже элегантным, Андрей выудил из кармана смятые тысячные.

Официантка отсчитала сдачу. Витек быстро сгреб оставшуюся кучку, Андрей только успел хлопнуть глазами – вышло тоже медленно, точно ресницы мешали.

– Ты где заякорился? – присвоив сдачу, полюбопытствовал Витек.

– Комнату снял.

– Где?

– На Северной.

– Поехали?

– Куда? – удивился Андрей.

– Возьмем с собой чего-нибудь по дороге, – туманно объяснил Витек.

Держась друг за друга, приятели выбрались на улицу.

Глава 11

...Больную щиколотку следовало держать выше уровня сердца.

Устроив ногу на подушках, Липа попыталась определить степень разрушения юбки. Разрушение оценивалось как катастрофическое. В подоле зияла дыра, немногим меньше пробоины в крепостной стене. Липочка чуть голову не сломала, изобретая, как и чем ее латать.

Утерев слезу индийским хлопком, остаток вечера провела на диване.

Закатное солнце светило розовым лучом в окна, по НТВ заканчивалась очередная серия «Разбитых фонарей» – Липочке не требовалось даже телевизор включать, все слышно было через стенку, за которой жила фанатка сериала, уволенная из органов паспортистка.

Вот тут-то черная кошка снова показала свой дурной нрав.

Явился непрошенный гость.

Первая мысль – неужели студенты пришли проведать больного Учителя? – сменилась второй: не открывать.

Посетитель не желал мириться с тишиной за дверью.

Под срывающуюся трель звонка Липа проковыляла к двери, заглянула в глазок и испытала невероятное облегчение – это были не китайцы, это была сестра Вика. В коротком

широком плаще, скрывающем живот, в брюках, с цветастым платком на шее, низенькая, круглая со всех сторон.

Вика работала медсестрой в наркологии и отличалась от сестры решительностью и напором. Тряхнув черными кудряшками, она начала с претензии:

– Ты почему на звонки не отвечаешь?

Липочка перевела рассеянный взгляд на телефонный аппарат:

– А никто не звонил.

– Как это не звонил? Я все воскресенье тебе пыталась дозвониться, – Вика сунула сестре плащ, сбросила туфли, продефилировала в зал.

– Ты издеваешься? – тотчас раздалось из комнаты. – Липка, как тебе можно дозвониться, если у тебя телефон отключен?

– Черт, забыла.

Вешалка на плаще была оторвана, и Олимпиада зацепила плащ за ворот.

– Вечно одно и то же! Ты почему не приехала на дачу? Мы же договаривались!

Участок достался сестрам от бабушки в общее пользование, но Липа на даче почти не бывала, только вишню всегда собирала по той причине, что очень любила варенье из нее. С косточками.

Вика же каждое лето выпасала на даче свою пятилетнюю дочь Ксению.

– Черт, – Липочка страдальчески сморщилась, – забыла, конечно.

– Вечно одно и то же! Ну и когда ты думаешь вишню собирать?

Тут гневный Викин взгляд остановился на ноге сестры:

– А это еще что такое?

– Вывих с разрывом связок.

– С лестницы навернулась, что ли?

– Нет, с велика грохнулась. Юбку жалко. – Липочка закусила губу.

Юбка была на все случаи жизни. Базовой. Собственно, на этой шикарной юбке держался весь летний гардероб.

– Молодец. Ну и кто теперь полезет на дерево? – Вика погладила свой беременный живот.

– А Степаша не может?

– Степаша укатил на конкурс, до конца месяца его не будет. У тебя есть что-нибудь съедобное?

– Жареная картошка.

– Пойдет.

На кухне Олимпиада устроила ногу на соседнем стуле и наблюдала, как сестра хозяйничает.

Вика разогревала картошку, заливала ее яйцами и тарактелла без умолку. Изложив горячие новости с работы и свежие сплетни о свекрови, вернулась к дачным проблемам.

– Липка, так что будем делать с вишней? Она уже начала осыпаться. Еще день-другой, и останемся без вишни.

– Не знаю, – честно призналась Липочка.

– Вечно ты ничего не знаешь.

Умолившись за столом, Вика снова переключилась на свекровь:

– Сидела бы уже в своем возрасте дома – нет, все ей мало, все работает, работает. Всех денег не заработаешь. Вот у нас нянечек не хватает, приходится за них вкалывать. А этот наш заводделением – блаженный, убогий. Говорит: перестилайте простыни. Зачем, спрашивается, пьяни подзаборной простыня свежая? Наши санитары не всегда даже их на кушетки кладут – попробуй, потаскай туши эти. Нет, правда! Обоссанные, в соплях, в слюнях, в блевотине, а им – свежую постель. Придурь.

Липочка от души сочувствовала наркологам.

– А что, к вам только алкаши попадают? – вдруг проявила интерес она.

– Нет, конечно. Вот на днях привезли приличного господина такого: в шикарном костюме, при галстукe, туфли на тысячу баксов тянут, портмоне от карт распухло. Тут я понимаю – респект и уважуха. Мы ему отдельную палату, цветочки в горшках притащили, покрывало на постели сменили, даже коврик в процедурке выклянчили. Он поутру все услуги оплатил, не чета алкашне. Или студент бывает, какой-нибудь наклюкается, и на подвиги его потянет. Привозят тоже. Слушай! – вдруг осенило Вику, и глаза у нее загорелись. – А давай я какого-нибудь коматозника к нам на дачу привезу.

По-моему, классная идея! Задержание отработает на участке. Соберет нам вишню.

– А так можно?

– Пф! Упрошу ментов дежурных, я же почти всех их знаю.

– А как ты его привезешь?

– Пф! Прямо в ментовском уазике и доставим. Или на своей верблюдице. – Вика на свой страх и риск управляла «Ладой Калиной» мужа.

– Попробуй. Только не самого подзаборного. Страшно с ним на даче будет. Еще огреет нас чем-нибудь по голове или придушит. И ограбит.

– Нет, ну я же сначала справки о нем наведу у ментов. Чтоб нормальный человек был, без тюремного срока, только перебравший и нахулиганивший. Да и что у нас грабить? Проржавленный «волгарь» в гараже? И что мы втроем с одним не справимся? – Вика снова погладила себя по животу и искоса поглядела на щиколотку сестры. – А если не справимся, вызовем ментов.

– Слушай, – спохватилась Липочка, – я не могу. У меня завтра китайцы.

– Тебе разве не дали больничный? – В карих Викиных глазах зародилось недоверие.

– Дали, – поникла Липа, – но через неделю зачет, и Наталья вынудила меня дома с ними заниматься.

– А какая разница – дома или на даче? Пусть приезжают к тебе туда.

Предложение Олимпиаде не понравилось:

– Ты что?! – она махнула на сестру, словно отгоняя при-
видение. – Как они найдут дачу? И что я скажу Наталье?

– Скажешь, что вишня осыпается.

– У Натальи нет дачи, она не проникнется драматизмом
ситуации.

– Ну, хорошо, придумаем что-нибудь другое. Давай ты
сейчас ей позвонишь и скажешь, что тебе стало хуже, и тебя
увозят в больницу.

– Нет, врать я не буду, – уперлась Липочка.

– Тогда скажи, что сестре, то есть мне, стало плохо, и ее, то
есть меня, положили на сохранение, и тебе придется сидеть
с Кирюхой.

– Не боишься, что тебя боженька за вранье накажет?

– Нет, не боюсь. Это ложь во спасение вишни. Звони.

Глава 12

...Вечерний город подмигивал огнями, манил обещаниями.

– Давай прошвырнемся, – подал идею Витек.

Андрей растрогался. Наконец-то рядом была родственная душа.

– Витек... Ты такой, знаешь... Вот есть мужики настоящие, а есть – фуфло. Валерка – фуфло гребаное, а ты – настоящий. Уважаю, – Андрей стиснул обеими руками и потряс ладонь новообретенного друга.

– Ты, Андрюха, тоже, – выступил с ответным номером Витек. – Я сразу просек: ты без гнили. Моего батыю тоже Андреем кликали. Реальный был мужик.

Они обнялись.

– Звучит как тост, – намекнул Андрей.

– В точку. Где тут лабаз?

– Там. – Андрей устремился к пешеходному переходу.

Благополучно преодолев «зебру», приятели скрылись в дверях магазина.

Через десять минут оба появились на низком крылечке с пакетом. В пакете призывно позванивали две бутылки портвейна. Витек облизал сухие губы.

– Дуй за мной.

Послушный всем ветрам, Андрей дал увлечь себя в подь-

езд ближайшей пятиэтажки.

Расположились на рекламных – вот, оказывается, для чего они есть! – газетах под лестничным пролетом.

Витек заторопился, зубами скovyрнул «kozyрек» на бутылке.

– Давай, – он протянул портвейн Андрею, – сначала ты, потом я.

Оценив жест, Андрей присосался неумело, язык втянуло в горлышко.

– Ну, че ты там? Давай быстрее, – торопил Витек.

– А че ты разовые стаканчики не взял?

– Это пижонство. Стакан денег стоит.

В этот момент дверь в квартиру №1 приоткрылась, и на приятелей обрушила нерастроченные силы молодящаяся тетка с челкой. У ног ее вертелась, оглушительно тьякала лохматая шавка, тоже с челкой.

– Да чтоб вас разорвало, пьянь болотная, ни днем, ни ночью покоя нет! Щас я вам устрою, – пригрозила тетка, скрываясь в квартире. Звякнула цепочка, голос удалился, только шавка осталась под дверью и продолжала тьякать за двоих.

В душу будто плюнули. Андрей поморщился от визгливого лая.

– Слушай, может, свалим отсюда?

– Не грузись, – отмахнулся Витек. – Твоя очередь.

Сделав несколько глотков, Андрей передал бутылку напарнику. Действительно, чего это он? В чужом подъезде нет

Клары – уже счастье.

Неожиданно вспомнил, как напился впервые в жизни. Было ему пятнадцать. На даче у приятеля они опробовали самогона – та еще гадость. Выпил полстакана – и все, провал в памяти. Утром следующего дня родители приятеля отпаивали его рассолом и аспирином. Дома матери соврал, что отравился раками.

– Раков бы сейчас, – мечтательно произнес Андрей.

– А давай махнем на речку, – живо откликнулся Витек, – или на семерке до водохранилища доедем. Там раков – валом.

Идея захватила обоих. Решено было осуществить ее с утра. За это стоило выпить, и в ход пошла вторая бутылка портвейна.

Совершенно не ко времени хлопнула входная дверь, стальной голос протянул:

– Та-а-ак... И что это мы здесь делаем?

– Релаксируем, – нашелся Витек.

Издав неприличный звук, Андрей отлепился от бутылки, обернулся – в подъездном полумраке вырисовывались две плечистые фигуры.

Губы сами растянулись в улыбке:

– О! Витек, у нас гости. – Андрей сделал попытку подвигнуться. – Присаживайтесь, господа, места всем хватит.

– Да нет, это вы поднимайтесь.

Идти никуда не хотелось, да и сил не было.

– Мужики, ну не хотите выпить, так идите себе куда шли, – Андрей с трудом ворочал языком.

Не теряя времени на досужие разговоры, Витек в этот момент прикладывался к портвейну.

– Нет, ты посмотри на них, а? – угрожающе произнес тот же голос. – Борзые. Совсем нюх потеряли.

Силуэты приблизились, пустая бутылка покатила со звоном. Один из двоих ухватил Андрея за грудки, потянул вверх. Употребив непечатное слово, Андрей бестолково замахал руками, попытался вырваться.

И получил в глаз.

Глава 13

...В приемной покое перехватывало дыхание от запаха хлорки – полы еще были влажными. Монотонно гудела перегоревшая лампа дневного света под потолком, то погружая помещение в синий полумрак, то заливая его ядовитым светом.

В белом халате и сестринском туго накрахмаленном чепчике Вика наклонилась над пациентами.

Вываленные в побелке, с присохшей грязью на обуви, пациенты «домиком» – голова к голове – полулежали на кушетке и спали мертвецким сном. Один напоминал сморчка, другой – каланчу. Имелись и особые приметы: у Сморчка это был застарелый шрам, рассекавший бровь, у Каланчи – свежий синяк во весь глаз.

– А под глаз-то за что ему засветил? – Вопрос обращен был к топтавшемуся рядом полицейскому в погонах сержанта.

– Сопротивление оказал, – пробубнил сержант, – оскорбил нас с Егором. А мы при исполнении.

– Дим. Кому ты впариваешь? В таком состоянии он ни рукой, ни ногой не мог двинуть, а ты – «сопротивление».

– Да нет, правду говорю. Вырывался и матерился.

– А по виду вполне приличный.

– Так это по виду.

– А документы при нем?

– Паспорт изъяли.

– Дим, – Вика разогнула спину. – У меня к тебе дело на сто баксов.

– Викуся, – оскалился сержант Дмитрий, – для тебя все, что хочешь.

– Трепло. Дай мне вот этого напрокат. – Вика ткнула пальцем в Каланчу.

– Это как?

– Ну, не оформляй задержание. Мне на даче помощь нужна. Муж в командировке, вишню собрать некому. Осыпается.

– Так давай я тебе соберу вишню.

– Дим, у меня муж ревнивый.

– А мы ему не скажем. – Рука сержанта скользнула по расплывшейся талии медсестры. Она выставила локоть:

– Дим, мне скоро в декрет.

– Да ты че? – поразился сержант. – Правда, что ли?

– Вот те крест.

– Ну ты даешь. А я думаю, что это Викуся так похорошела?

– Так что?

– Забирай, если очень надо.

– Правда, очень надо, – проникновенно глядя в глаза сержанту, подтвердила Вика.

Без особой охоты сержант растегнул нагрудный карман,

достал и протянул изъятое удостоверение личности.

Вика открыла паспорт, посмотрела на фото – на оригинал, сравнила, выгнула губы подковой:

– Че-то не похож.

Лампа мигнула, затрудняя опознание.

– Ясен пень, фингал же. Вон, смотри, – Дмитрий ткнул пальцем в Сморчка, – у этого шрам на брови. Так?

– Так, – признала Вика.

– И на фотке шрама нет. Так?

Переждав очередное погружение в полумрак, Вика сличила оригинал с копией. Глупо было спорить с очевидным.

– Ну да. Шрама нет.

– Все, что ли?

– Нет, подожди, это не все.

– Что еще?

– Давай ты его отвезешь сейчас ко мне на дачу.

– Викуся, это ты перегнула. Я ж на дежурстве.

– Ну, Дим. – Вика состроила уморительную рожицу. – Ну, пожалуйста, ну, зайка, ну, рыбка, ну, мой золотой, ну, мой хороший.

– Викуся, ты меня на что толкаешь? Меня же в любой момент могут на задержание отправить. По рации вызвать.

– Ну, ты же можешь сказать, что машина сломалась.

– Викусь, не могу. Извини.

– Дмитрий, – надулась Вика, – я тоже не могла, но помогала брату твоему из запоя выйти. Препараты, между прочим,

до сих пор на мне числятся.

– Ладно, говори адрес.

– Спасибо. – Викино личико просияло. – Подожди, я только его уколою, чтоб не проснулся раньше времени. – И Вика умчалась в направлении процедурной.

– Помоги, – попросила она Дмитрия, вернувшись. Общими усилиями удалось обнажить плечо бесчувственному пациенту.

Всадив иглу, Вика быстро ввела раствор, энергично помассировала место укола ваткой со спиртом.

– Порядок. – Она потерла поясницу, распрямляясь. – Слушай сюда. Значит по Светлогорскому шоссе на пятнадцатом километре дачный поселок Желтушино. Знаешь?

Дмитрий кивнул.

– Линия третья, второй домик справа наш. Позвонишь мне, если не найдешь. За домиком сараюшка есть, там баба Тося козу держит. Вот там его и запрешь.

Ничего не ведающий пациент в этот момент безмятежно шевелил во сне губами. Он был счастлив. И Вика была счастлива. И Дмитрий, строго говоря, тоже был счастлив: он возвращал долг сторицей.

– А ключ?

– Там в петле гвоздь. Фонарик только возьми с собой.

Дмитрий кивнул.

– Да! И еще, Дим. Пробей его по базе на всякий. А то мало ли...

– Без ножа режешь.

– Дим, ну, ты же мальчик...

Дмитрий обреченно кивнул:

– Угу. Как его там?

Вика заглянула в паспорт:

– Городецкий Виктор Андреевич.

Глава 14

...Ясным утром, вселяющим бодрость в сердца, сестры стояли под деревянной, разохшейся дверью сарая. Липочка держалась за грудь, Виктория поддерживала живот. Сестры по очереди заглядывали в щелку под притолокой, обследовали объект и шепотом делились впечатлениями:

– Тощий какой-то...

– Так это же замечательно! – не соглашалась с сестрой Вика, – такому много не требуется. На подножном корме протянет.

– И какой из него работник?

– Зря ты так думаешь. Худые – они жилистые, – успокоила сестру Вика.

– По-моему, типичный горожанин, равнодушен к природе и не тяготеет к физическому труду. И надолго он здесь?

– Пока Димка за ним не приедет.

– А когда Димка твой за ним приедет?

– Димка не мой. Через три дня приедет.

– Как – три? Почему – три?

– По административному кодексу, – объяснила Вика с легкой одышкой. – Дольше нельзя. Дольше – уже уголовный кодекс. Нам же такие не подходят?

– Кошмар, – огорчилась Липочка. – И что мы будем три дня делать с этим... арестантом?

– Пф! Ты думаешь, мы не найдем, чем его занять? На нашем участке только рукава засучивай – дел не переделать. Жаль, мне эта идея не пришла в голову раньше, когда надо было вскапывать и засеивать огород.

– Его же кормить нужно!

– Не заходишь. Я овсяные хлопья привезла и рожки. – Вика кивнула на владения. – Вон редиска, руккола, лук, салат, укроп – всего полно.

– Не знаю. По-моему, это незаконно.

– Что незаконно?

– Держать человека против его воли.

– Это как посмотреть. Свежий воздух, кормежка, отдельный номер, летний душ. Отпуск, считай. Ты только представь, как ему повезло!

– А если он не согласится?

– А куда он без паспорта денется?

– Заявит об утере и получит новый. Или о краже, что вероятнее.

– Какая ты, Липка, зануда! – защищала свою гениальную затею Вика. – Во-первых, у него нет денег. Мелочь какая-то была, я изъяла. Ой, да не делай ты такие глаза. Это временная мера. Во-вторых, я ему популярно объясню, что он за хулиганство задержан на трое суток. Может их в камере провести, а может у нас на участке. Как думаешь, что он выберет?

От нервов Липочка покусывала ноготь на большом пальце.

– И заметь, на нем вещи дорогие.

– Да тут полно Степашиного тряпья – переоденем работника. – Вика посмотрела со значением.

– Так Степаша же... – начала Липа и смолкла, сраженная вероломством сестры. Вероломство заключалось в том, что муж Вики был: а) на две головы ниже их случайного работника; б) в два раза шире.

– Поняла? – рассеяла сомнения сестры Вика.

– Ну ты и змея.

– Мудрая, да?

– Коварная.

– Да что б ты без меня делала?

– Жила бы себе спокойно, – с тоскливым вздохом промолвила Липочка.

...Солнечный луч вскарабкался по соседней кровле, устремился в узкое окошко и выстрелил прямо в лицо Андрею.

Ухо защекотало теплое дыхание.

– Бе-ее, – сказал кто-то совсем рядом и прикоснулся нежным поцелуем.

Попахивало домогательством.

– Э-ээ, ты че? – прохрипел Андрей сухим горлом.

Ответа не последовало.

Страдая от рези в глазах, Андрей прикрылся локтем. С недоверием обследовал потолочные балки со свисающими

пучками трав, дощатые стены, увешанные косами, жавшиеся в углу лопаты, ведра... Явственно несло кислятиной.

Нечеловечески хотелось пить и по-маленькому.

– Витек, где это мы?

– Бе-ее, – повторил шутник.

Андрей повернул голову и едва не заорал от ужаса: прямо над ним покачивалась белесая морда. Желтые безумные глаза с прямоугольными зрачками, обрамленные белыми и прямыми, как палки, ресницами, смотрели прямо в душу.

– Витек, ты че? – прохрипел Андрей, отталкивая морду.

Животное обиженно попятилось.

– Тьфу, черт! – Сообразив, наконец, что это не реинкарнированный Витек, Андрей рывком сел и тут же застонал от боли в затылке.

Одновременно снаружи раздался тонкий возглас, вслед за ним дружный топот.

Превозмогая боль, Андрей взглядом прошелся по инструментам, в ассортименте имеющимся в сарае, поднялся и подошел к двери. Подергал ее, проверяя на прочность.

Дверь была ветхой, и выбить ее не составило бы труда. Или выломать. Только не в том состоянии, в каком находился Андрей, – полумертвом.

– Тьфу, скаженная, – раздался в отдалении скрипучий женский голос. Обладательнице, судя по всему, было лет сто. – А ну, уймись, Бяша!

– Бе-ее, – счастливым сопрано отозвалась коза – видимо,

скрипучий голос был ей хорошо знаком.

Андрей припал к щели под притолокой (в фокус попала душегрейка и цветастые рукава) и с удвоенной силой заколотил кулаком по сухим доскам. В горле пересохло, язык прилип к небу, а в туалет хотелось все сильнее.

– Бе-ее, – нетерпеливо повторила коза.

– Бегу, Бяша, бегу, – прозвучало уже совсем близко.

– Баба Тося, – остановил старуху молодой голос, – баба Тося, ты где?

– Да где мне быть-то, – проворчала баба Тося, – здесь я. Кого это принесло в такую рань? Ты, что ли, Викуся? Случилось что?

– Случилось. Баба Тося, иди сюда.

«Викуся, Викуся, – лихорадочно вспоминал Андрей, – что еще за Викуся? Не было вчера никаких Викусь. Или это Витькина пассия?».

– Сейчас, сейчас, только Бяшку выгоню, она уже в дверь ломится.

– Не открывай дверь, – заторопилась Викуся. – Это не Бяша, это наш работник.

– Какой такой работник? – поразилась баба Тося, – откуда он взялся?

Таинственная Викуся уклонилась от прямого ответа:

– Завелся.

Андрей набрал в легкие воздуха:

– Эй, – заорал он, – выпустите меня!

– Батюшки святы! – всплеснула цветастыми рукавами баба Тося, – и впрямь работник, что ли?

– Потерпишь, – отрезала Викуся, – пойдем баба Тося, я тебе все расскажу.

Голоса стали удаляться.

В этот момент Андрею показалось, что он тронулся умом. Это и было сумасшествие. Помешательство. Буйное.

Или?.. Где-то он читал о людях и вещах, которые исчезали из нашего мира, а потом обнаруживались в том же месте, в тот же день, только спустя год или больше. Однажды такое случилось с кораблем. Кажется, он назывался «Морская звезда». Судно исчезло на три года, потом материализовалось в том же месте на глазах у изумленных свидетелей. Суда, находящиеся в одном квадрате с «Морской звездой», получили сигнал: «Буря прошла, помощь не нужна» – или что-то в этом роде. Экипаж был уверен, что три часа боролся со штормом...

Елки! Может, с ним тоже самое – он пропал для всех и материализуется через год?

Андрей вскочил, навалился на хлипкую дверь.

– Эй, вы!

Очевидно, подпертая снаружи, дверь не поддавалась. Он привалился к ней спиной и заколотил по доскам ногой.

– А ну, цыц! – рявкнула Викуся – та еще, по всей видимости, фурия.

Как-то вдруг обессилев, Андрей опустился на сено и об-

хватил голову руками. Он ничего не понимал и чувствовал себя овцой. Или как там называется овца мужского пола? Баран, что ли?

Его тихая, ленивая, как старая, заезженная кляча, жизнь, вдруг спятила и понесла, будто в зад ей выстрелили из рогатки. И, не переставая, брала препятствия, одно круче другого.

Кто этот злодей, который навлек столько бед на голову Андрея? Кто этот жокей?

Потолковать бы с ним по-мужски...

В воображении возникло море, лунная дорожка, на песчаном берегу два тела, сплетенные в страсти...

Нет, это невозможно.

Надо выбраться из этого чертова сарая с чертовой козой. Или молодым козлом? Из чистого любопытства Андрей заглянул под брюхо животному – белая и короткая на спине, к животу шерсть становилась темно-серой, удлинялась и рунилась, скрывая отличительные половые признаки. Меринос какой-то, а не козел. Ничего не поймешь.

– Бе-еее, – нежно проблеяло животное, отводя от себя подозрение.

– Ладно, некогда мне с тобой лясы точить. – Андрей поднялся с подстилки и отряхнулся. – У меня дела поважнее есть. Эй, вы, там! – он с новой силой затряс дверь.

По ту сторону неожиданно раздался голос фурии.

– Прекрати буяннить, – велела она, – отойди и сядь на пол. Обещай, что выслушаешь мое предложение спокойно.

Андрея царапнула догадка.

– Меня что, продали в рабство?

– Пока еще нет, хотя... Давай, на пол.

– Что?

– Если ты глухой, я верну тебя в полицию.

В памяти Андрея, как в калейдоскопе, множились образы: тетка с челкой, шавка с челкой, две плечистые фигуры, удар...

– Я не глухой.

– Тогда на пол. Живо.

Заинтригованный, Андрей отошел, как было велено, вглубь и устроился на сене рядом с козой.

Мир перевернулся. Похититель, кажется, боялся похищенного. Дичь полная. Может, он в психушке? Или он угодил в пространственно-временную петлю и оказался в Османской империи времен женского султаната? Его сделают наложником султанши?

Размечтаться Андрей не успел – скрипнула дверь, возвращая его в сарай. В проеме возникла глубоко беременная валькирия в буйных, коротких черных кудрях, с двустволкой наперевес и с каким-то тряпичным кулем под мышкой. Палец валькирии лежал на спусковом крючке.

– Только шелохнись, – предупредила она.

Дуло смотрело прямо в грудь Андрею, от чего у него в животе образовалась противная пустота.

Черт возьми! Куда его занесла нелегкая? В разбойничий

стан? На мельницу к лесной ведьме?

В голову полезло странное: как он жил нехорошо. В блуде. Надо было с Маринкой расписаться, тогда бы... Может быть... Наверное...

Андрей счел за лучшее не нервировать воительницу:

– Не шевелюсь. – Для убедительности он поднял руки.

Несколько мгновений стороны пристально рассматривали друг друга. Первым нарушил молчание Андрей.

– Стесняюсь спросить: у вас есть разрешение на оружие?

– У меня даже есть разрешение на отстрел таких типов, как ты.

– Каких это – таких?

– Социопатов.

– Бе-еее. – Почувяв свободу, коза потрусил к выходу, но была остановлена:

– Геть! – Дуло качнулось и вернулось в прежнюю позицию. Коза замерла.

Неожиданно для себя Андрей почувствовал кураж.

– Значит, я твой пленник?

– Значит, так, Городецкий Виктор Андреевич, экспозиция такова... – Заметив, что ее собеседник пытается возразить, султанша повысила голос:

– Молчи и слушай.

Покорившись, Андрей пожал плечами. В конце концов, какая разница: Вася, Петя, Ромуальд или Андрей...

– Тебя задержали на трое суток, – продолжала султанша, –

за нарушение общественного порядка и сопротивление полиции.

– А сокамерницу мою за что?

– Остряк. Бяша – представитель коренного населения. Итак, эти три дня ты отработаешь на нашем с Липкой огороде.

– Липка – это у нас кто? – осведомился Андрей.

– Сестра моя. Значит, паспорт твой у меня – это я так, к сведению.

– Паспорт?

– Да. Паспорт. Так что удерешь – стукну на тебя в дежурку. Не удерешь – получишь через три дня свой паспорт, и расстанемся полюбовно. Сечешь?

Андрей растянулся на сене, заложил локоть под голову и поскреб суточную щетину. Мистика? Или идиотизм? И то, и другое одинаково неисповедимо.

– Мне надо подумать.

– Некогда думать. У нас вишня осыпается.

– Вишня? – Жажда стала острой, кадык на горле Андрея дернулся. Он приподнялся на локте, смерил взглядом воительницу.

– Значит, на ближайшие три дня ты мой работодатель?

– Совершенно верно.

– И ты, значит, Виктория?

– Угадал.

– Ну, Виктория, для начала, где у вас туалет?

Вика перехватила ружье, извлекала из-под мышки и метнула в Андрея сверток.

В полете сверток развернулся и приземлился Андрею на ноги в виде какого-то тряпья.

– Для начала переоденься, – услышал он.

– З-зачем это?

– Чтоб не испачкаться и не порвать случайно вещи. И давай шустрее. Раньше сядешь, как говорится, раньше выйдешь.

– Бабы тряпки я не надену.

– В твоём положении я бы не перебирала харчами.

Андрей хмыкнул:

– Ясное дело, перебирать харчами можно только в твоём положении. Шантажистка.

– Неудачник.

С последним утверждением Андрей был давно и полностью согласен. Внезапно овладевший им кураж испарился так же внезапно.

Он встряхнул тряпку. Это оказался рабочий комбинезон.

Подергал ноздрями – от комбинезона исходил запах стирального порошка и чужого дома.

– Выйди, я переоденусь.

Держа под прицелом арестанта, Вика отступила спиной к проему и скрылась из поля зрения.

Коза Бяша приободрилась, протрусилась к выходу и чинно проследовала мимо сарая.

Выбора не было. Андрей поднялся с подстилки и скинул куртку.

Ветерок покачивал пучки трав, свисающих с потолка, шелестел листвой снаружи, убаюкивал страсти.

– Геть! – снова раздался окрик. Очевидно, Бяша взяла курс на огород.

Комбинезон был пошит на толстого карлика, перекинутые через плечо ляжки не доставали до груди, как не тянул их Андрей, застегнуть не смог. Переодеваться назад, в джинсы, было лень, и Андрей вышел из положения: выдернул из шлевок на джинсах ремень и застегнул его на талии поверх комбинезона.

Колошины были коротки, и Андрей подкатал их до колен.

Покончив с переодеванием, направился к проему. Притолока оказалась низкой, и Андрей со всего маха треснулся об нее лбом. Присев от боли, замычал и спрятал лицо в ладонях. Да чтоб тебя!

– Эй, Городецкий, – раздался голос валькирии, – ты где там?

Со второго дубля ему удалось выбраться из сарая.

От порога тянулась выложенная камнем тропинка. Тропинку обрамлял ряд низких фруктовых деревьев.

В конце тропинки имелось деревянное сооружение с вырезанным в двери крестообразным оконцем.

– Чего замечтался?

– Ничего. Просто. Не понимаю, как тебе можно доверять

ружье? Муж твой что, совсем без царя в голове?

– Заткнись, – окрысилась фурия, – еще раз что-нибудь скажешь о моем муже – пальну без предупреждения.

– А кто ж тогда вам с Липой вишню соберет?

Андрей уже дошел до сортира.

– Об этом не переживай. Ресурс возобновим.

– Ты хоть стрелять-то умеешь? – справив нужду, спросил Андрей.

– Хочешь проверить?

– Хочу.

Вика передернула затвор. Вопреки здравому смыслу в душе Андрея разлился холод.

– Я пошутил, – просипел он.

– Я тоже.

– Мне бы попить.

– Вон, – Вика указала подбородком. В тени сарая, прямо под водостоком стояла прикрытая деревянным кругом бочка.

Андрей снял крышку, с сомнением изучил изъеденный гусеницей вишневый лист, кусочек коры и водомерку на поверхности воды. Огляделся в поисках кружки.

– А чем зачерпнуть?

– Давай не капризничай.

Отбросив церемонии, Андрей дунул на воду, разгоняя мусор, сложил губы трубочкой и припал к источнику.

Ни с чем несравнимое блаженство проникло в кровь, за-

струилось по жилам.

Вода была сладкой, со вкусом вишневого листа и до ломоты в зубах студенной.

Отвалился от бочки, только когда ломота стала нестерпимой. Ополоснул лицо и пригладил волосы.

– Мне бы поесть, – обрадовал Андрей конвоиршу.

– Тебя сюда не жрать привезли.

– Голодом морить?

– Наверное, Липка права, – поделилась надзирательница, – мы тебя не прокормим. Иди, давай.

Андрей хмыкнул. Ага! Значит, во вражеском стане нет единства...

Пропуская работника, фурия сдала назад.

Андрей проследовал мимо дула по каменным ступенькам (сарай стоял в низинке), поднырнул под ветвями какого-то плодового дерева и остановился, как вкопанный: в центре участка высился настоящий терем.

Ставни, карнизы, подзоры, балкон, фронтон с коньком, терраса, ставни и наличники – все было украшено деревянным кружевом...

Впечатление не портили даже два шезлонга, обтянутых полосатой парусиной, плетеная мебель в колониальном стиле и стул, напоминающий царский престол. Тяжелый, массивный, с высокой спинкой, украшенной резьбой, и короткими, толстыми, широко расставленными ножками – настоящее чудовище.

Андрей сейчас же представил, как смотрелся бы этот терем в ролике с рекламой загородного жилья из бруса. Или в рекламе инвентаря для сада-огорода. И еще много чего другого...

Эту способность моментально переводить мысль в картинку Валерка называл «клиповым» мышлением. Говорил, что это редкость даже среди режиссеров. Лыстил, наверное.

– А не секрет, где это райское место находится? В каком населенном пункте?

– Не секрет. В Желтушино.

– Это что?

– Дачный поселок.

– Никогда не слышал о таком.

– Не удивительно. Такие, как ты, кроме гастронома ничего не знают.

– Вообще-то не так часто я напиваюсь.

– Редко, но метко. Что застыл? Давай, шагай, – Вика кивнула на дорожку между вымеренными до сантиметра грядками с луком, редисом, зеленым салатом и укропом. Чуть в стороне стояла тепличка, вдоль которой цеплялись усиками за сетку огурцы. Все было крепким, ухоженным и добротным, начиная с луковых стрелок и заканчивая теплицей.

Андрей присвистнул.

– Деньги не высвистывай!

– Ты прям как моя жена.

– Не заливай, нет у тебя никакой жены.

Андрей посмотрел на валькирию озадаченно.

– Ах, да, у тебя же мой паспорт. Не всегда можно доверять официальному документу, ой не всегда...

– Слушай сюда, философ: вон ведро, вон стремянка, вон вишня. – Вика последовательно переводила дуло с одного на другое.

– Да убери ты, наконец, ружье.

– Не отвлекайся. Значит, так. Все предельно просто. Ставишь стремянку под это дерево, берешь ведро, влезает на стремянку и наполняешь ведро ягодой. Ферштейн?

– Вишня – это фрукт, а не ягода.

– Прикуси язык, грамотей. Для тебя имеет значение только одно: ты у меня на мушке. Я с тебя глаз не спущу.

– Офигеть!

– В каком смысле?

– Если вы так меня боитесь, какого лешего привезли?

– Размечтался. Кто это тебя боится? Ты на себя посмотри!

Глиста в томате.

– А если я обижусь?

– На обиженных воду возят.

Андрей хотел ответить в том смысле, что он не ишак, но тут на террасе появилось обворожительное создание в панаме, сарафане колоколом и с забинтованной лодыжкой. Заметно прихрамывая, создание выдвинулось в сторону грядок. Очевидно, это и была сестра султанши, Олимпиада.

Внезапно Андрей почувствовал легкое волнение.

– Здравствуйте, – громко приветствовал он. Следовало обзавестись хоть одним союзником в этой шайке.

Создание вскинуло ресницы – из-под панамы на Андрея устремился полный суеверного ужаса взгляд, – развернулось и бросилось назад, в терем. Впрочем, Андрей уже ничему не удивлялся.

– Задание получил – выполняй, – активизировалась Вика.

– Мэм! А как же завтрак?

– Никак.

– Я требую: верните меня обратно.

– В наркологию?

– Хоть в наркологию, хоть в камеру! Там сейчас как раз время завтрака.

– Я смотрю, ты человек бывалый.

– Просто я умный.

– Умные не попадают.

– Мне не повезло. Так как насчет завтрака?

– Завтрак, говоришь? – медовым голосом уточнила Виктория. – Ладно, будет тебе завтрак.

...Войдя на кухню, Вика прислонила к стене ружье, включила чайник и достала из шкафа пакетик с кашей быстрого приготовления – спасение холостяков, лентяев и «белых воротничков».

За ее спиной произошло движение – Липочка возникла в дверном проеме, прижалась щекой к наличнику и оста-

лась так стоять, точно прилипла. Вика оглянулась на сестру – взгляд у той был отсутствующий.

– Э, ты чего?

– Неисповедимы пути Господни. Это он.

– Кто?

– Это он, – как в бреду повторила Липа.

– Кто – он? Можешь толком сказать?

– Наши велосипеды сталкиваются, мы падаем, я подворачиваю ногу. Это он.

– Ни себе чего! – поразились на японский манер Вика. – А ты не путаешь?

– Ничего я не путаю! Это он! Нет, ты представляешь?

– Отлично! Звонок Димке отменяется.

– Нет-нет! Наоборот! Звони! От греха подальше. А то наше незаряженное ружье выстрелит.

– Ты ничего не поняла. Это же не случайно, что он здесь оказался! Это возмездие. Мы с ним поквитаемся за вывихнутую ногу.

– Не знаю, не уверена, – скучным голосом возразила Липочка, – он достанет нас раньше, чем мы его.

– А это бабка надвое сказала. Нас трое, а он один.

– Да он один троих стоит.

– Ничего ты в людях не понимаешь. Он – тюфяк. Интеллигентшишка. Это он в абстинентом синдроме такой угрюмый, агрессивный и колючий, а в обычное время – типичное беспозвоночное. Инфузория. Поверь моему опыту.

Профессионализм сестры не вызывал сомнений у Олимпиады.

– И вообще. Может, это твоя судьба? – присовокупила Вика.

Липа хотела смолчать. По здравом помышлении она не видела смысла в споре, который тянулся с тех пор, как Леша...

– Судьба? Вот этот недоумок? – против воли включилась в дискуссию Липочка.

– Чем ты, собственно, недовольна?

– Я мечтала о встрече, которая изменит всю мою жизнь, а это что?

– Так ребенок по-любому изменит всю твою жизнь!

– Ты только послушай: о чем мы говорим? – Липочка закрыла уши ладошками. – Не хочу слышать эту чушь.

Вика заглянула ей в глаза:

– Ой, кажется, я подкоп сделала под пьедестал Лешика? Прекрати прятаться от действительности. Он тебя предал.

Это была жестокая, не нужная никому правда. Олимпиада как-то сразу устала и обмякла.

– Ладно, давай корми своего работника, – напомнила она.

– Вот! С этого мы и начнем перевоспитание, – намекнула

Вика.

– Что ты задумала?

– Пока еще не знаю. Но он у меня за три дня другим человеком станет.

Чайник вскипел, Вика высыпала содержимое пакетика в миску, залила кипятком и размешала.

– Как думаешь, сахара и масла добавить?

– Добавь. Он не военнопленный все-таки.

– Эх, Липка, какая ты мягкотелая. Он тебя изувечил, а ты – не военнопленный...

– Так он ведь не со зла. И потом, я не так уж сильно и пострадала.

– И это ты называешь «не сильно»? Из-за него ты потеряла трудоспособность, на дерево не можешь влезть. Так или нет?

– Так.

– Вспомни, как ты Наталью уговаривала, как унижалась...

– Не хочу вспоминать. Противно.

– Вот! Плюс испорченная юбка.

Липа закусил губу – с потерей юбки она так и не смирилась.

– А мне вообще пришлось обратиться за помощью к этому держиморде, Димке, – разжигала себя Вика, – теперь я по гроб ему обязана. И теща брыкалась, не хотела сидеть с Кирюхой, пришлось в ножки кланяться. Тоже противно вспоминать.

– Ты права. Нужно такое устроить этому гаврику, чтобы ему небо с овчинку показалось.

– Ну вот, такая ты мне больше нравишься. Никакого масла, – Вика накрыла кашу блюдцем. – Здесь ему не санаторий, в конце концов.

Глава 15

...Проводив взглядом раздавшуюся фигуру воительницы, Андрей переставил стремянку, проверил ее на устойчивость и взобрался на верхнюю ступеньку, залитую нежными розовыми лучами. Пластиковое зеленое ведро с черной ручкой осталось на земле.

Наверху Андрей присел и огляделся.

Дачные домики терялись в буйной зелени, из зеленого моря торчали печные трубы, где-то недалеко куковала кукушка, совсем рядом хлопотали воробьи, а внизу трещали кузнечики. Под носом покачивалась ветка, так густо усыпанная темно-бордовыми плодами, что казалась фотографией из журнала по садоводству.

Андрей сорвал вишню, бросил в рот и непроизвольно простонал:

– Ммм...

За первой вишней последовала вторая, потом третья... Андрей увлекся, с беличьей проворностью в один угол рта закладывал плод, из другого выплевывал косточку.

На пятой минуте все проблемы, беды и тоска по воле отступили, на седьмой пришло умиротворение.

Стоило надраться до положения риз, чтобы очутиться в таком райском месте.

Елки-палки, как он жил все это время... Как трамвай. Да-

же цели никакой не преследовал. Просто катил по рельсам туда – сюда, туда – сюда. Ни влево, на вправо, ни вверх даже не пытался взглянуть. А тут такое...

Испытывая доселе неизведанную радость обновления, Андрей с легкой завистью осмотрел деревянное зодчество. Нет, правы классики: бытие определяет, определяет сознание.

Здесь можно слиться с природой, ощутить ее ритм, пульс, дыхание. Очиститься. Плыть в потоке Вселенной. Испытать состояние, которое язычники называют дарна, греки – гармонией, китайцы энергией Ци, а йоги нирваной...

Шорох крыльев спугнул полет мысли...

На соседнюю ветку села синица. Огляделась, перелетела выше, спряталась в листве, и оттуда понеслось:

– Пити-пити-пити. Пити-пити-пити.

– Ну и работничек, вы посмотрите на него: расселся и мечтает, – услышал Андрей брюзжание Виктории. – Что, интересно, ты там делаешь без ведра?

Состояние дарны ускользнуло, не успев раствориться в организме.

Андрей обратил внимание: ружья у Вики не было.

– Наступила мирная фаза в переговорах?

– Ты о чем?

– Ты решила отказаться от насилия?

– Даже не мечтай. Сейчас тебя на мушке держит Липка.

Рискуя свалиться со стремянки, Андрей обернулся.

С террасы на него смотрели два глаза из-под панамы и дуло ружья.

Против воли волосы на коже Андрея встопорщились.

– Черт. Нашли игрушку.

– Не тешь себя иллюзией. Никаких игрушек. Все всерьез.

Держи свой завтрак. – Виктория протянула миску с чем-то по виду совершенно несъедобным: жижей мучнистого цвета, с темными вкраплениями.

Физиономия Андрея вытянулась:

– Что это?

– Овсянка, сэр.

– А что там плавает?

– Изюм.

– Я не ем овсянку с изюмом.

– Изюм выплюнешь.

– Сама ешь свою овсянку. «Мы парни, с нами просто», – Андрей очень похоже изобразил героя Харрисона Форда. – На завтрак я ем яичницу и бутерброды с колбасой, на обед – борщ и котлеты, на ужин жареную картошку с сосисками или жаркое. Еще пельмени и вареники.

– Я и так уже сильно пожалела, что привезла тебя сюда. Ты не ценишь хорошего к себе отношения. Наверняка у тебя в жизни куча проблем.

– Да ты прямо ясновидящая.

– Да нет, – парировала Вика, – я просто умная.

– Надо же, какая плотность умных людей на одном квад-

ратном метре.

– Пити-пити-пити, – повторилось из листвы.

– Кончай трепаться! – Вика с беспокойством оглядела небо. – Давай, собирай вишню. Дождь будет.

Андрей обследовал взглядом небесную лазурь – она была ничем не замутненной.

– Как ты определяешь, что будет дождь? Суставы крутит?

– Я умею слушать голоса природы, – высокомерно сообщила Вика. – Короче, будешь кашу или нет?

– Я ж сказал: кашу не ем. С детства.

– Детдомовец, что ли?

– Почему это?

– Некому тебе, бедненькому, было сварить вкусную кашу.

– Ко всем своим достоинствам ты еще и аналитик, – хмыкнул Андрей.

– Практик. Ладно, не заговаривай мне зубы. Не хочешь кашу – твое дело. Держи. – Вика подняла с земли и протянула ведро.

Андрей даже не подумал взять протянутый предмет, рассматривал его с высоты с видом полного презрения.

– По-моему, мои права нарушены.

– У тебя нет прав.

– Неправда ваша, есть. Хочу есть. Прости за каламбур.

– Соберешь вишню, так и быть: сделаю тебе яичницу с колбасой. Ферштейн?

– Не-ет, – стебался Андрей, – так не пойдет. Сначала яич-

ница с колбасой, потом вишня.

Вспыхнувшие inferнальным огнем зрочки валькирии не предвещали ничего хорошего. Увлеченный ролью Мальчиша-Плохиша, Андрей фактически пропустил предупреждение о красном уровне опасности.

– Ах ты, гаденьш! Шантажировать меня вздумал? – Вика ухватилась за стойку стремянки и дернула. Ближайшая к ней ножка вошла в грунт, сооружение потеряло устойчивость и стало заваливаться.

Чувствуя, что лестница уходит из-под ног, Андрей вцепился в ветку вишни. С металлическим грохотом стремянка обрушилась на землю, Андрей повис на ветке, та хрустнула, и Андрей, как на парашюте, спланировал вниз вместе с веткой, перевернулся в воздухе, плашмя упал на стремянку, прикрылся листиками и не подавал признаков жизни.

– Мамма миа! – ахнула Вика. Медсестра взяла верх над эксплуататоршей: пристроив на тропинку миску с кашей, она склонилась к раненому. – Ты цел? – На щеке у Андрея красовалась свежая ссадина. Сквозь ссадину выступила кровь.

Он открыл глаза.

– Ты полиглот?

Губы у Вики подергивались.

– Что!?

– Ты с немецкого на итальянский перешла.

На работника обрушились гром и молния:

– Ты что устроил, идиот? Ты хочешь, чтоб мы тебе пенсию

по инвалидности выплачивали до конца жизни?

– Неплохая мысль. Только это не я устроил, а ты.

– Ну уж нет. Не дожدهшься! Ни фига не выйдет у тебя, дорогуша. Все, я звоню Димке. Пусть забирает тебя отсюда к чертям собачьим.

Морщась, Андрей сел.

– Ага, преступное сообщество? Так я и думал.

Вика срезалась на полуслове.

– Что-что?

– Налицо преступное сообщество: ты, твоя сестра, баба Тося и некто Дмитрий.

Беременная султанша нашлась не сразу.

– У меня нет слов, – признала она. – Только мне могло так повезти.

Тут с крыльца раздалось:

– Я тебя предупреждала.

– Конструктивное замечание, ничего не скажешь, – огрызнулась Виктория, направляясь в дом.

– Ты куда? – вскинулся Андрей.

Виктория притормозила:

– Звонить. Пусть тебя заберут в изолятор.

В это самое мгновение Андрей вдруг отчетливо осознал, что не хочет в изолятор. Больше того – не хочет возвращаться в город. Что ему некуда и не к кому возвращаться, и что его вполне устраивает сарай с козой как временное пристанище и больные на всю голову аборигены поселка Желту-

шино. Неделю он проведет, пользуясь гостеприимством этих дурищ, а там видно будет. Пусть, не неделю, но хотя бы несколько дней побудет Миклухо-Маклаем.

– Давай, давай. Как только я окажусь в городе, я на вас сразу телегу накатаю. Это же киднепинг.

– Что-о? – завопили желтушинские дурищи в два голоса.

– Что слышали.

На дачном участке установилась гнетущая тишина, кажется, слышно было, как трава растет.

Вика сорвалась с места, подлетела к Андрею – он отклонился, ожидая удара. Удара не последовало. Разъяренная валькирия в сердцах пнула миску с кашей, от чего та подлетела и перевернулась, и зашагала к дому.

Теперь уже обеспокоилась Липочка:

– Ты куда?

– За зеленкой.

– Для чего тебе зеленка?

– Не мне, а ему. Столбняк заработает, потом спасай его.

– Не надо никакой зеленки! – взвыл Андрей, – только зеленки мне и не хватает! Дайте помереть спокойно.

– На кой нам сдался твой труп?

– Сами же все время на мушке держите. А тут даже пулю тратить не придется.

– Это не твое дело, что нам придется, а что не придется.

Каким мы тебя взяли, таким и вернем.

Андрей встрепенулся:

– Это в смысле алкогольного опьянения?

– В смысле целостности скелета.

– Не понял?

Не удостоив ответом, Вика скрылась в доме.

– И не силтесь. – Это снова подала голос ехидная галерка.

– А вы, девушка, – воззвал Андрей к панаме, – Олимпиада, кажется? Как вы оказались втянутой во все это?

Липочка захлопала глазищами: деклассированный элемент, какой-то алкаш из наркологии знает, что имя Липа – краткое от Олимпиады...

– Волею судьбы.

По неведомой причине девица заинтересовала Андрея. Наверное, несхожестью с сестрой, немногословностью и явным желанием держаться от всего подальше.

Андрей прищурился, обследуя округлые женственные формы. Определенно, в младшей сестре что-то такое было... Притягательное.

– Мы с вами раньше не встречались?

Однако вместо того, чтобы поддержать светский разговор, Олимпиада сиганула в дом...

...Сестру Липочка обнаружила у плиты – та жарила яичницу.

Дверь распахнулась так резко, что Вика вздрогнула:

– Фу, напугала. Ты чего? – В лице у Липочки не было ни кровинки.

– Кажется, он меня узнал.

– Да? И что сказал?

– Спросил, не встречались ли мы где-нибудь.

– И всего-то? Да он просто тебя клеит! – фыркнула Вика. –

Умереть не встать. Пьянь подзаборная, а туда же.

Возражение уже готово было сорваться с губ Липы, но она сдержала себя. В конце концов, сестра была права. Кто он еще, если не пьянь? Деклассированный элемент. Изгой. Отщепенец. Тупиковая ветвь развития человечества.

Глазунья поспела. Один за другим Вика поддела лопаткой белые с желтой серединой неровные круги, переложила на тарелки.

– Ты все-таки жарить ему яичницу, – констатировала Липочка.

– Ну, если уж я нам жарю, то почему бы заодно не пожарить и ему? – пойманная с поличным, ловко вывернулась Вика.

– Конечно, конечно. Только сдастся мне, что это он нас в бараний рог скрутит, а не мы его.

– Вот любишь ты сгущать краски.

– Это ты не хочешь признавать очевидное. Он еще ни одну вишенку в ведро не положил, а ты ему уже предложила овсянку и вон, – Липочка кивнула на тарелку, – яичницу. Еще пива сбегай, купи.

В лице Вики отразилась решимость:

– Ты права. Фиг ему. Сами съедим.

Липочка подала вилки, достала из холодильника батон, масло, сыр, присела к столу и с легкой завистью посмотрела на Вику – та с аппетитом уплетала глазунью.

Покончив с горячим блюдом, Вика сделала сиротских размеров бутерброд, откусила, что-то вспомнила и потянулась к подоконнику, где лежала мобильная трубка.

– Димке позвоню, – пережевывая бутерброд, объяснила она. – Узнаю, что он раскопал на нашего работника. Вдруг, рецидивист.

На Липочку дохнуло холодом:

– Это как?

– Шутка. – Вика знаком призвала сестру к молчанию. – Дим, привет. Как служба?

Выслушав ответ, Вика покивала, прочистила горло и спросила:

– Я чего звоню-то... Узнал что-нибудь о нашем арестанте?

Димкину реплику Липочка не слышала, но судя по выражению Викиной физиономии, новости были неутешительными.

Липочка приготовилась к худшему:

– Что?

Вика с кислым видом вернула трубку на подоконник.

– Блин.

– Ну, что там? – в нетерпении повторила Липа.

– Ничего. Димка охламон. Сказал, завтра узнает.

– Даже если этот Виктор не убийца какой-нибудь, – не от-

казала себе в удовольствии Липочка, – все равно это плохая идея – тащить в дом пьянь всякую.

– Не заходишь! – не очень убедительно возразила Вика. Она обшарила кухню рассеянным взглядом. – А где ружье?

Липочка позеленела.

– Я его забыла на улице, – еле выговорила она.

– Блин! – Сестры прилипли лбами к оконному стеклу...

Так и есть: они вооружили противника. Вон, пожалуйста: приладил приклад к плечу и выискивает жертву...

Сестры отпрянули от окна...

Глава 16

...Ежесекундно ожидая окрика, Андрей приблизился к террасе, скользнул взглядом по окнам – прикрывшись тюлем, подслеповатые окна выражали нейтралитет.

Руки сами потянулись к ружью, и спустя секунду Андрей рассматривал трофей.

Судя по прикладу, винтовка была новой. И сама льнула к плечу. Что ни говори, а оружие создано для мужчины, как мужчина – для оружия.

По здравом помышлении нужно было сейчас же положить ружье на место и в срочном порядке приступить к сбору урожая. Однако отделаться от оружия оказалось не так просто – оно словно обрело над Андреем магическую власть.

Сердце сладко заныло.

Приладив ружье к плечу, Андрей прижался щекой к гребню приклада и посмотрел в прицел. По нервам прошел ток, все вокруг неуловимо изменилось. Заросли стали гуще, тени – воинственными, каждая травинка таила опасность. Дачный участок на поверку оказался прерией. Коза Бяша, привязанная к колышку у забора, преобразилась в койота.

– Пити-пити-пити, – выводила над головой уже не синица, нет – грифон-стервятник!

Чувствуя себя матерым охотником, Зебом Стумпом и Чингачуком, Андрей перебежал к ближайшему дереву, при-

льнул к стволу и обшарил в прицел резной балкончик, петуха на коньке и кухонное окно. Тюль дрогнул.

Сестры вышли из ступора.

Вика вынеслась из кухни в прихожую, но у порога что-то пришло ей на ум, она затормозила.

– Что? – Липочка едва не налетела на сестру.

– Ох и дуры мы с тобой, – сообщила Вика. – Ружье же не заряжено!

– То-то и оно. Если он об этом узнает, у нас совсем не останется никаких рычагов давления на этого алкаша, – заволновалась Липочка.

Несколько мгновений сестры смотрели друг на дружку, словно ожидая найти подсказку.

– Значит, – стала рассуждать вслух Липочка, – если он будет думать, что ружье заряжено...

– Он возьмет нас на мушку и заставит нас самих собирать вишню, – дорисовала события Вика.

– Но мы-то знаем, что ружье разряжено. Следовательно...

– В общем, у нас есть два варианта: либо мы сами собираем вишню, либо в честном бою отнимаем у этого бандита ружье.

– Как? Когда?

– Прямо сейчас. Я выйду на крыльцо и отвлеку его. Ну... там... попрошу принести дров. А ты вылезешь в окно спальни, незаметно зайдешь с тыла. Дальше по обстановке.

План был небезупречен, и с языка Липочки просилась

здоровая критика, но лучшего она предложить не могла и по этой причине смолчала, о чем впоследствии не раз пожалела.

Сестры разделились.

Окна в спальне были раскрыты настежь. Не тратя времени, Липочка забралась на подоконник, развернулась и задом, обдирая колени, сползла с подоконника наружу.

Виктория шагнула на террасу с таким лицом, точно вызывала огонь на себя. В глазах читалась отчаянная решимость: стреляй, гад, всех не перестреляешь.

– Виктор Андреич, – позвала она, – а, Виктор Андреич.

Андрей не сразу вспомнил, что сейчас и здесь Виктор Андреич – это он и есть.

– А?

– Мне помощь твоя нужна.

– Через пять минут.

– Сам же говорил: ружье не игрушка. Поставь на место.

Мало ли, что...

– Ой, да ладно, – осклабился Андрей, – не разыгрывай меня. Оно не заряжено.

– А вот и заряжено! – выкрикнула Липочка, появляясь из-за угла дома, хотя ей велено было незаметно подкрасться к разбойнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.